

Маргарита Южина

МОНЧИК С ГВОЗДЯМИ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ ЭКСМО

Маргарита Южина
Пончик с гвоздями

«Маргарита Южина»

2004

Южина М. Э.

Пончик с гвоздями / М. Э. Южина — «Маргарита Южина», 2004

В благородном семействе Распузонов страшный скандал! На новогоднем празднике в шумной компании оказалась... бывшая любовь Акакия некто Марианна Зудова. И страсть, естественно, вот-вот должна была разогреться с новой силой. Но разгневанная Клавдия Распузон была начеку. Однако не успела она оторвать мужа от разлучницы, как Марианну застрелили... А кого подозревают в убийстве? Конечно, Клавдию. И теперь страдающая мать семейства вынуждена заняться расследованием. Но беды продолжают сыпаться на ее...

© Южина М. Э., 2004

© Маргарита Южина, 2004

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Маргарита Южина

Пончик с гвоздями

Глава 1

НОВОГОДНЯЯ САРАНЧА

Она чувствовала себя премерзко. Ненавидела себя, казнила, но сделанного не воротишь – только что она совершила тяжелейшее преступление: после изнурительной суточной диеты Клавдия Сидоровна Распузон накинулась на холодильник, и тот коварно распахнул перед ней наполненное нутро. И это перед самым праздником! Нет, организм Клавдии Сидоровне достался явно вражеский! Вчера столько усилий было потрачено, чтобы заморить себя голодом к предстоящему Новому году, и это почти удалось, а сегодня желудок разбудил ее угрожающим рыком, и несчастная Клавдия Сидоровна сначала потихоньку, а потом и более откровенно потрусилась к белоснежной «Бирюсе». И вот, пожалуйста: все содержимое в течение каких-то трех часов переместилось из холодильника в ненасытную утробу. А если еще учесть, что к праздникам хозяйки стараются поплотнее набить холодильник...

– Клавочка, а мы сегодня ничего до вечера кушать не будем? – слабо пискнул законный супруг преступницы Акакий Игоревич, пялясь на почти пустые полки охлаждающего агрегата.

В отличие от супруги, имевшей достаточно внушительные размеры, Акакий Игоревич был склада весьма компактного. Как говорила сама Клавдия Сидоровна – карманный вариант. И уж если кого и не испортили бы лишние два-три килограмма, так это как раз его. Только сам хозяин дома не любил торчать у плиты, а его жена с самого утра сегодня совсем не рассчитывала заниматься кулинарией.

– Ах, Кака! Не смей мне говорить о еде! Сегодня весь вечер предстоит жевать и жевать, – раздраженно бросила супруга.

С Акакием Игоревичем Клавдия Сидоровна жила уже тридцать лет, и она прекрасно знала, что муж поймет ее горе и донимать не будет. В конце концов, там еще осталось сырое мясо, может и приготовить себе что-нибудь на скорую руку, а она в данный момент побудет немного в расстроенных чувствах. Нет, это же надо! К десяти вечера их пригласили в солидное общество – отмечать встречу Нового года, и она, Клавдия Сидоровна, так готовилась к этому дню – купила себе прекрасное платье, на два размера меньше обычного, так как надеялась похудеть, покрасила волосы и даже подсмотрела в стильном журнале подходящий макияж. И что же? Теперь она точно не влезет в новый наряд, вот досада!

– Клавочка, а что мне надеть на вечер? – вышел из кухни Акакий, жуя сырую сардельку.

– Ах, я тебя умоляю! Что тебе надеть... Ты же знаешь – у нас кризисное положение с деньгами, – буркнула Клавдия Сидоровна и замерла, страдальчески уставясь в потолок.

– Подожди, но ведь Данил специально подарил нам деньги... чтобы мы... так сказать... Ну, чтобы мы купили себе приличное одеяние. Как-никак к серьезным людям идем! – возмущился муж.

Данил был старшим сыном Клавдии Сидоровны и Акакия Игоревича Распузонов. Он трудился бизнесменом и каждый раз навязывал им приличные суммы то на одежду, то на продукты, а то и просто так, на жизнь. Еще у Распузонов была очаровательная дочь Анечка, которая имела четырехлетнюю дочку Яночку и непутевого мужа. Дочь работала в следственных органах, то есть имела фиксированную зарплату, и помогать, как братец, родителям не могла, зато тот старался за двоих. Перед этим праздником Даня еще за неделю принес пачечку купюр и пояснил:

– Это вам на праздничный стол и на красивые одежды. Вас же вроде в гости пригласили? Надо выглядеть достойно.

Клавдия Сидоровна чмокнула сынулю в бритую щеку и спрятала денежки в необъятный бюстгальтер. Акакию Игоревичу доступ к деньгам автоматически закрылся, но он не собирался про них забывать.

– И что же ты мне купила? – настаивал супруг.

– Ах, да вон же, на кресле обновка лежит. Вчера ты спать рано улегся, вот и не пришлось примерить, – махнула рукой страдающая по поводу своего преступления жена.

– Это... это что?

– Свитерок. А что, сейчас все в таких ходят! Это даже и не свитер, а, я бы сказала, пуловер. Между прочим, Агнесса Викторовна со второго этажа вязала своему сыну, да тот, к счастью, отказался. Господи, Кака! Ты же знаешь, как Агнесса вяжет. Ты в этом свитерке будешь выглядеть по-настоящему достойно, как полярник.

– Но там же будут все в пиджаках, в смокингах!

– Ах, уймись! Кто там будет? Никого там не будет, Агафья же говорила, что все будет тихо, по-семейному. И потом, я же не пингином тебя наряжаю!

Агафья Эдуардовна, дама весьма богатого достатка, была если и не подруга, то весьма близкая знакомая Распузонов. Пожилая леди долгое время жила в нужде, тащила двоих детей, а потом, когда события развернулись совсем уж плачевно, жизнь дала крутой виток и вынесла женщину к неожиданному богатству. Может, поэтому дама, хоть и являлась весьма имущей, с людьми скромного достатка не чуралась общаться тепло и по-дружески. Теперь Агафья Эдуардовна владела нудистским клубом, имела небольшой замок на берегу реки и частенько сорила деньгами. Совсем недавно, этим летом, Распузонам удалось распутать одно очень непростое дело, и теперь старушка не оставляла в покое супругов даже на неделю, обращаясь к ним по каждому пустяку – то у нее пропадала самая любимая ночная сорочка, то кто-то выкрал самую редкую орхидею, а то и вовсе – под кроватью кто-то забывал мужские брюки. Срочно вызывались Распузоны, и заводилось следствие. Как потом оказывалось, сорочка никуда не девалась, а просто закатывалась в белье на постели, орхидею никто не трогал, но ее сожрал червь, а брюки были вовсе не мужские, а лично Агафьи Эдуардовны. Короче, едва старушке становилось скучно, как она тут же начинала играть в сыщицу. Вот и теперь, третьего дня, Агафья Эдуардовна объявила, что у нее пропал драгоценный кулон с бриллиантом величиной с кулак. Срочно на ноги были поставлены все те же Распузоны, ну и понятно, что такое событие, как Новый год, просто не могло обойтись без их семейной пары.

Вообще говоря, Агафья Эдуардовна частенько приглашала их на вечеринки. К примеру, на последней Клавдии Сидоровне даже удалось пленить приятного мужчину – Семизвонова Семена Семеновича, который был военным, а если точнее – прапорщиком, и недвусмысленно делал Клавдии комплименты. Сегодня, кстати, на празднике он тоже будет, посему Клавдия Сидоровна и купила это дорогущее платье, а Акакию, естественно, на костюм не хватило. К тому же уже прибегала Лиличка...

Лиля была женой сына и приходилась Клавдии Сидоровне и Акакию Игоревичу невесткой. Девушка она была во всех отношениях приятная, легкомысленная и... постоянно безденежная. Нет, Данил, конечно, снабжал супругу по полной программе, она ни в чем не знала отказа. Но какая женщина не знает: сколько ни давай ей денег, всегда будет чуточку не хватать. А Даня, скупердяй, крупными суммами на карманные расходы жене не разбрасывался. Вот Лиличке каждый раз и не хватало сущей безделицы – пары-тройки тысяч на новое платье. У нее просто мания была на эти самые платья! А поскольку обращаться ей было не к кому, то каждый раз она занимала деньги у свекрови. Та, естественно, не могла отказать невестке, а потом сын с ней рассчитывался. Вот так и получалось, что и овцы были сыты, и волки, что называется, в полной сохранности.

В последний раз Лиля прибегала буквально вчера.

– Ах, мамочка! Просто жить не хочется! – начала она прямо с порога.

Клавдия Сидоровна давно знала: если Лилия называет ее мамой, то непременно будет просить денег. Обычно-то девчонка зовет свекровь по имени-отчеству.

– Что, опять деньги нужны? – хитро прищурилась она, вспомнив, что Даня строго-настрого запретил давать Лиле в долг, все равно истратит на тряпки, а у нее их и так хоть выбрасывай.

– Вот видите, даже вы знаете, что у меня хроническое безденежье. Ах, нет, конечно, я не за деньгами. Так... поговорить, душу излить... – пригорюнилась невестка, усаживаясь на кухне и теребя на себе юбчонку.

– А что ж такое случилось? Что-нибудь с Даней? – всполошилась свекровь.

– Нет, со мной беда, вот в чем дело. Понимаете, я так хочу Данилу помочь... Я же вижу, как он надрывается на работе, тащит дом, меня, вам помогает... А ведь я сильная молодая женщина! – пылко начала девчонка. – Вы знаете, я вчера была у мастера, он мне костюм кроил, и... примерила костюмчик. Смотрю – кое-где тянет. Вся мастерская сбежалась, не знали, в чем дело, а я только в одном месте складочку зажала – и пожалуйста, сидит как влитой. Так мне мастер сразу заявил – вам, мол, надо обязательно учиться на кутюрье, я и рекомендацию дам. Вы представляете? Он даже меня на курсы записал, завтра надо их оплатить. Но Даня меня не понимает, даже слышать ничего про курсы не хочет. А я... Я так мечтаю! Вот скажите, мама, вы у Юдашкина платье заказывали когда-нибудь?

Клавдия Сидоровна задумалась. Собственно, к чему ей платье от Юдашкина? Может, оно и лучше по-простому – иди да покупай, какое надо выберешь, можно очень недорогое найти. А если на китайском рынке, так вообще почти даром. Правда, и носить долго не придется.

– Не заказывала, – помотала головой свекровь.

– И не надо! Я бы вам шила не хуже, чем этот знаменитый кутюрье!

– Так сколько тебе надо-то? – полезла Клавдия в кошелек.

– Пока пять. Думаю, больше не потребуется. Да вы не беспокойтесь, Даня отдаст.

Клавдия и не беспокоилась. Если на доброе дело, отчего не дать. Но вот на костюме Акакия пришлось сэкономить, отделаться скромным свитерком. То есть пуловером... Ну да разве мужикам много надо!

Даже в связанном соседкой пуловере Акакий Игоревич выглядел блестяще – блестели глаза, губы, лысина и туфли. К тому же мужчина вылил на себя две пригоршни одеколона, чтобы все присутствующие задохнулись от восторга.

Клавдия Сидоровна, как она и предполагала, в платье не влезала. Но это только вначале. Не прошло и каких-то сорока минут, как Акакий Игоревич, точно классическая Золушка, пыхтя и потея, втрамбовал-таки супругу в дорогой наряд, и та расцвела от восторга. Платье отчего-то не стройнило, а как раз наоборот – обтягивало и выпячивало все недостатки фигуры, но зато оно так искрилось, что сразу было понятно, сколько оно стоит. То есть что стоит весьма недешево. А если еще уложить прическу да подкрасить как следует глаза, губы, эдак причудливо нарисовать брови... Да, а еще обязательно надо надеть клипсы – вот эти, которые покрупнее. Правда, тогда почти до плеч оттягиваются уши, но зато камни в них блестят, как настоящие бриллианты! Нет, Клавдия Сидоровна сегодня определенно в ударе!

Ровно в десять сверкающая чета Распузонов появилась возле парадного подъезда Агафьи Эдуардовны.

– Какие гости! – радушно встретил их возле дверей Коля, швейцар и охранник в одном лице. – С Новым годом! Вас уже все ждали!

Коля был уже немолодым мужчиной, родом из деревни. За место свое он держался прочно, поэтому рассыпался в любезностях весьма старательно. Хотя, впрочем, и сама хозяйка встретила Распузонов так же лучезарно:

– А вот, познакомьтесь, познакомьтесь! Это мои друзья – Клавдия Сидоровна и Акакий Игоревич, – пропела она, представляя Распузонов немногочисленным гостям. – Вот Семизвонов Семен Семенович с женой...

– Так мы же знакомы, гвозди вам в пончик! – радостно взревел Семизвонов. По всему виду, прапорщик уже успел продегустировать спиртное.

Агафья Эдуардовна чуть натянуто улыбнулась и продолжила знакомить:

– Красиковы Василий Петрович и Ирина Марковна, наши бизнесмены, очень солидные люди, а это Марианна...

– Ах, прошу вас, не надо отчества! Просто Марианна... – игриво прощепетала тощая дамочка в длинном персиковом платье, растягивая накрашенные губы.

Женщина была одна, без мужа. Она потряхивала стильными светло-русыми прядями и сверкала огромными камнями, хотелось думать, что ненастоящими. Ее искусный макияж не мог скрыть некоторые морщинки и не совсем молодую шею. Дамочке было под пятьдесят, что наметанный глаз Клавдии определил совершенно точно, но надо было признаться – выглядела Марианна изумительно.

– Так, значит, Марианна... – грозно сверкнула очами Клавдия Сидоровна.

– А вы что, меня знаете? – захлопала ресницами по щекам дамочка.

Еще бы Клавдия ее не знала! Да век бы ее не знать! Вот ведь как мир тесен...

Еще в далекой молодости Акакий Игоревич Распузон, тогда просто Акакий, никак не мог жениться – все его невесты были не по вкусу его маменьке. Он влюблялся, страдал, худел и терял волосы, но матушка никак не могла выбрать себе невестку. Однажды покорный Акакий привел на маменькино судилище девчущку яркую, веселую, смешливую и представил ее своей будущей женой. Матушка тут же выставила невесту вон, а Акакию было запрещено целую неделю выходить на улицу и читать Мопассана. Акакий просидел гораздо больше: он все ждал, когда утихнет сердечное страдание. Оно утихло, но у него вообще потерялся интерес к женщинам. Тогда матушка не на шутку всполошилась, тем более что брачный возраст у сына уже давно подошел, а посему срочно собралась и отбыла в другой город к сестрице. Правда, она и оттуда раза два приезжала устраивать смотрины, и Акакий снова пытался продемонстрировать ей все ту же веселую хохотушку, но маменька была неумолима. Ей не нравился никто, и Акакий безрадостно влачил холостое существование до тех самых пор, пока Клавдия Сидоровна, тогда еще просто Клавочка, не решила эту ситуацию по-своему. Она случайно встретила с молодым Акакием, случайно влюбилась, а позже просто переместилась в квартиру к Акакию, затащила его в загс и уже потом, когда носила первенца, позволила супругу порадовать мать. С тех пор прошло тридцать лет, но у Акакия так и осталась нежная память о своей первой любви к той, которую матушка не одобрила. Честно говоря, Клавдию Сидоровну это до сих пор не слишком тревожило, но вот сейчас эта самая любовь стояла перед ней и куражилась, называя себя Марианной. Какая еще Марианна, самая что ни на есть Машка! Но у Акакия разгорелись щеки. Даже лысина испариной оросилась!

– Вы меня знаете? – напомнила о себе худая, как селедка, Марианна.

– Ма... Ма-а-ашенька, – вдруг заблеял Акакий Игоревич. – А ты меня не узнаешь?

У Клавдии нервозно задергался глаз. Так и есть, узнал. Эх, зря она тогда ее фотографию из его ящика не выбросила. Он ведь, наглец, даже ей, жене, рассказывал про свои пылкие чувства к этой оглобле.

– Акашка! Ой! Это ты? Нет, ну надо же! Неужели правда ты? А постарел-то как! Серьезный такой! Лысый! Тощий! Ну прямо задохлик! С ума сойти! – визжала Марианна от восторга и радостно подпрыгивала. Совсем неприлично, в таком-то обществе.

– Мариванна, что это вы, как саранча, в моего супруга впились? – потянула Клавдия Сидоровна мужа за свитер.

Но тот в порыве нахлынувших чувств даже не обратил на это внимания. И совершенно напрасно – Клавдия тут же взяла со стола фужер с шампанским и невзначай опрокинула его мужу на самое пикантное место.

– Ах, Кака! Какой ты, право, неаккуратный! – с силой принялась тереть она испачкавшиеся брюки. – Теперь вот садись со мной рядышком и не выпрыгивай. Боже, какой позор, в самом неприличном месте мокрое пятно!

– Машенька! Я столько о тебе вспоминал... – все пытался подскочить к тощей даме Акакий, но жена снова суровой рукой дернула его назад.

– Сиди уж и не болтай ерунды! Пока пятно не высохнет.

Акакий на минутку поугас, приземлился рядом с Клавдией, но эмоции переполняли его через край, и дальше снова возобновились восклицания радости и счастья. И все гости наперебой восхищались: надо же, как это волшебное – в новогоднюю ночь встретиться со своей первой любовью, вот радость-то! И как-то все удачно забыли про настоящую жену, которая сидела в дорогом платье и празднично сверкала, как милицейская мигалка. Вроде даже тост произнесли за них – за Акакия и эту новогоднюю саранчу Машку!

Клавдия принципиально принялась флиртовать с прапорщиком Семизвоновым. Но на них никто и не думал обращать внимания – их чувства не были покрыты вуалью времени.

Собравшиеся шумно принялись провожать старый год. Потом выключили свет и внесли свечи. Пока все толкались возле свечей и прыгали, точно кузнечики, со своих стульев, пока Клавдия на минуточку увлеклась, чтобы в темноте поближе пододвинуть к себе блюдо с красной икрой, Акакий забыл про испачканные штаны и уселся возле своей старой знакомой. Такого откровенного хамства Клавдия не ожидала. Она могла, конечно, разразиться скандалом, но мужчины уже считали секунды, а по телевизору президент поздравлял всех россиян с Новым годом. С боем курантов раздался взрыв нового смеха, новой радости и шампанского.

– Вы сегодня... того... Красивая такая, гвозди вам в пончик... У вас даже платье новоднее! – прошептали в ухо Клавдии мокрые губы прапорщика.

Ой, да и правда, чего это она?! Новый год все-таки, пусть Акакий тешится воспоминаниями, а она, Клавдия, позаботится о себе.

– Урррра! С Новым годом! – восторженно взывала она, когда народ уже в молчании принялся за еду.

– О! Проснулась! А это твоя жена, что ли, Акакий? Ой, с какими же бегемотами нам пришлось связать свою судьбу! А все твоя мамочка! – услышала Клавдия, как фыркает Мариванна, склонившись к уху Акакия. – Ты посмотри, что я тебе покажу. Хотя подожди, чуть-чуть попозже...

– А я пью тост за нашу родную армию! – гаркнул прапорщик, наливая себе новую рюмку.

Прапорщик был худ, прыгуч и считал себя совершенным. Поэтому он цепко ухватил бразды правления праздником и наливал гостям рюмки не переставая. Забыв, по какому поводу застолье, Семен Семенович настоятельно порекомендовал выпить за вооружение. Следом он предложил «выпить тост» за воздушный флот, гвозди ему в пончик... потом за пехоту, а затем решил пить за генералов, причем за каждого поименно. Его весело прервали, включили музыку, и гости стали прыгать под бешеные звуки молодежной песни. Клавдию все время дергал длинноногий прапорщик, а ей так надо было послушать, о чем там воркуют ее муж и прежняя его знакомая.

– П-пойдемте на воздух, – боднул головой Клавдию Сидоровну прапорщик Семизвонов.

– Ой, да подождите вы! Дайте я разберусь вон с той парочкой! – метала молнии Клавдия Сидоровна. – Я им сейчас устрою северное сияние!

– Глу-па-я! Глупая женщина! – четко протарабанил Семен Семенович. – Она им устроит! А где тактика? Где? Ведь нас, мужиков, как надо? Вот, к примеру, твой Акакий на эту б... бабу глаз положил... А ты вроде как наплюй и со мной иди! Тогда он и думать забудет про кого другого, чтобы свою жену сберечь. Кому ж охота с оленьими-то рогами! Вот, к примеру, пойдёте с вами вальсировать!

Клавдия еще раз покосилась на мужа и кокетливо согласилась. Пошла за прапорщиком, мощным локоточком отодвигая со своего пути пляшущие пары.

После каждого танца прапорщик непременно выпивал стопку-другую за славные Вооруженные силы и уже едва держался на ногах.

– Пойдёмте, в-вы покажете мне... комнаты... Я знаю, у Агафьи есть комнаты... – еле лепетал пьяный прапорщик.

– Нет-нет, я вам покажу, какой здесь есть замечательный зимний сад. Раньше здесь была лоджия, но сейчас...

Не успели они войти в оранжерею, как Семизвонов с присвистом вздохнул и стал мощными ручищами шарить по дорожному платью Клавдии.

– Что вы там ищете, господин Семиз... Господи, да что ж вас так развезло! – отбивалась от него растерявшаяся женщина. – Ну уберите же вы руки – то! Да что ж это такое?!

– Ага, вот, значит, как вы Новый год встречаете! – ворвалась в зимний сад жена прапорщика. – А я ищу-ищу, а муженька моего и след простыл... Ну-ка, убери руки от нее!

Женщина кинулась отрывать руки мужа от талии Клавдии Сидоровны. Попутно она умудрялась вцепляться сопернице в волосы, в уши и размазала губы.

– Да что ж вы меня-то портите?! У меня же макияж... Женщина! Платье не трогайте! Отцепитесь от моих бриллиантов! – возмущалась Клавдия.

– Да я тебе их вместе с ушами... Отстань от моего мужика! – пыхтела агрессорша.

– Бабы, уймитесь! – встрял в женскую потасовку прапорщик. – Чай, Новый год... Лариска, гвозди те в пончик! Прекрра... Едрит твою! Куда метишь?! Не вздумай пнуть!

– Вы мне причёску помяли! Вон, ноготь из-за вас сломала! А-а-а! Семен! Убери эту сумасшедшую! Мускусная крыса!

– Я т-те покажу крысу! Дирижабль!

– Молчать! Всем смирно! – рявкнул вдруг прапорщик и налетел на супругу: – Ты мне такую операцию сорвала, стеррррва! Я ж тебе еще дома объяснял!

Жена опешила, но потом, видимо, что-то сообразив, отпустила локоны Клавдии и принялась защищаться:

– Ну так, Сеня... Ну, это уж совсем... Ты что же, ради моего брата семьей жертвуешь?

– Вы тут какого-то брата не приплетайте! Я на вас в суд подам! Так расцарапать мне наряд! – задыхалась от волнения Клавдия. – Сейчас вы мне всех родственников соберете!

– Какие родственники? – робко бормотала женщина, которую прапорщик называл Лариской.

– А какой брат?

– Какой, какой... Родной, ейный вон! – нервно выкрикивал прапорщик. – Братан у нее под следствием, гвозди ему в пончик... А у тебя дочь в ментуре, чего непонятного! Вот потому я тебя, Клавочка, и соблазнял! А теперь пускай она сама своего братца выковыривает... Все, Лариска! Не хотела по-людски, делай как знаешь. Теперь сама действуй.

Семизвонов гордо икнул и, чеканя шаг, направился за следующей рюмкой.

– Так я не поняла, при чем здесь ваш брат? – устало опустила на резную скамеечку Клавдия.

– Ну, он же вам объяснил – хотел с вами договориться, чтобы брату моему срок скостили... а если можно, то и вовсе отпустили.

– Фиг вам! Ничего не буду дочке говорить. Там тоже не дураки сидят. Если поймали, значит, разберутся. А мужу скажите – еще раз полезет, посажу за изнасилование! – грозно рыкнула Клавдия и поплыла в дамскую комнату приводить себя в порядок.

Да, год начинался бурно. Если и дальше так будет продолжаться, то никакой диеты не понадобится. Вот, пожалуйста: платье уже свободно. Ах ты ж, батюшки, да это ведь просто шов разошелся... Ну ладно, шарфиком прикрыть, и незаметно будет. А вот царапины на шее... И уши горят, как светофоры. Опять же где-то клипсу посеяла... Наверняка злобная жена прапорщика постаралась.

– Ах, барышня! Простите, я знала, что и вас к зеркалу потянет! – ворвалась вдруг в дамскую комнату сверкающая Марианна.

Этого многострадальные нервы Клавдии Сидоровны уже вынести не смогли.

– Короче, так, Маша, – уперла она руки в крутые бока. – Если ты еще раз... ты запиши где-нибудь... если еще раз я увижу, как ты своими воспоминаниями будешь сморкаться в жилетку моего мужа, твой бегемот останется вдовцом!

– Ой-ой-ой! – покривлялась Марианна и выпорхнула из комнаты.

Клавдия вышла следом.

В зал она вернулась уже почти успокоенной. И что увидела? Агафья Эдуардовна козочкой скакала возле стула, на котором восседал Акакий с завязанными глазами, – компания развлекалась старинной игрой в фанты.

– А что этому фанту сделать?

– Этому... этому уединиться с хозяйкой дома и раскрыть ей страшный секрет, – умничал Акакий.

– А этому?

Акакий изощрялся, как мог, и гости на «ура» принимали каждое его задание.

– Я не буду целовать прапорщика, – капризничала гостя – жена престарелого бизнесмена, который от веселья колыхал животом здесь же.

– Надо, надо! Это фанты, все следует исполнять!

– Агафья Эдуардовна, а ведь это вам нужно с Акакием Игоревичем уединиться! Он вам должен открыть секрет! – визжали дамы.

Веселой стайкой гости разбрелись выполнять задания, и Клавдия Сидоровна смогла наконец спокойно посидеть за столом. Вот этот салат она давно хотела попробовать, так что сейчас...

Неожиданно ей в уши спицей вонзился продолжительный визг. Клавдия Сидоровна вскочила, и кусок застрял у нее в горле. Судя по визгу, год начался бурно не только у нее. Шум доносился из зимнего сада. Когда Клавдия Сидоровна прибежала туда, уже все гости толпились возле большой кадки с пальмой.

– Вы чего? Кто кричал? – протолкнулась вперед Клавдия.

Никто не ответил. Ничего и не надо было отвечать – прямо под пальмой лежала Марианна, и ее светлое платье было утыкано красными пятнами.

– Господи! Маша! – убивался Акакий и держал несчастную за пульс. – Маша, ты жива?

– Ее убили... – прошептала жена бизнесмена Красикова.

– Ага, убили. Из пистолета Макарова, между прочим, – важно сообщил прапорщик Семи-звонов.

– А вы откуда знаете? По следам от пуль?

– Знаю. Вон он валяется, под кадкой.

И в самом деле – недалеко от Марианны валялся пистолет.

– Ничего не трогайте! Вызываем милицию и мирно идем к столу! – скомандовала Клавдия.

Милицию вызвали, но застолья уже не получилось.

Люди в джинсах и в таких же пуловерах, как у Акакия, приехали на удивление быстро. Они толкались в зимнем саду, чертили мелом, высматривали, расспрашивали. Короче, что называется, работали. Потом принялись дотошно выпытывать у гостей подробности вечера, и каждый гость эти самые подробности расписывал по-своему. Общей картины не получалось, и люди в джинсах стали всех расспрашивать по второму, по третьему кругу. И вскоре у всех было только одно новогоднее желание – поскорее добраться до своих постелей.

Неизвестно, как другим парам, а Распузоном удалось добраться до дома только к семи утра.

– Ах, какая неприятность, – бормотала Клавдия Сидоровна, пытаясь высвободиться из новогоднего убранства. – Все одно к одному – платье порвала, теперь вот еще твоя бывшая зазноба скончалась. Кака, помоги же мне!

Но Акакий Игоревич тупо сидел на диване, дрожал подбородком и наглаживал громадного кота Тимку, который отбивался от ласк всеми четырьмя лапами.

– Кака! Ну успокойся. Я понимаю, тебе тяжело, но что же делать, – не могла найти слов утешения Клавдия. Конечно, ее тоже потрясло нахальное убийство посреди праздника, однако надо же взять себя в руки. – Кака, ну давай мы завтра утром позвоним Анечке, попросим, чтобы она взяла это дело под свое, так сказать, крыло. Ты же знаешь, Аня не отмахнется, она обязательно найдет паршивца.

– Не надо сюда еще и Анну впутывать! – резко выкрикнул Акакий. – Я должен с этим делом разобраться сам.

– Ой, боже мой, ну что ты там разберешь?! Ну хорошо, хорошо... Если хочешь сам, пожалуйста. Я уверена, у тебя получится... может быть... с моей помощью. А теперь давай укладываться, на улице уже светает.

– Господи, ну почему именно сейчас? – тихонько скулил Акакий, качаясь из стороны в сторону и все крепче прижимая кота.

Укладывались в полном молчании. Клавдия решила не теребить мужа. Пусть проспится. А там, глядишь, и забудется.

С улицы доносились радостные крики, пьяные песни, музыка и взрывы фейерверков. Народ не собирался успокаиваться, и было ужасно жалко, что какой-то подлец вот так взял и расстрелял легкомысленную Марианну, а заодно и украл у Распузонов самый лучший праздник в году.

Акакий лежал с открытыми глазами и пялился в потолок. Вот, кажется, только что судьба сделала ему такой щедрый подарок и сама же все погубила. Все! Хотя нет, расстреляла Марию не судьба, ведь пистолет держал в руках человек. Так что все гораздо проще. И сложнее одновременно.

Новый день начался с телефонной трели. Акакий все еще лежал на кровати и по-прежнему разглядывал потолок. На телефонный звонок он даже не отреагировал.

Клавдия мазнула по лицу мужа чумными спросонья глазами, потом взгляд ее сфокусировался на телефоне.

– Кака, ты что – уже проснулся? А чего к телефону не подходишь? И чайничек бы поставил, я бы сейчас кофейку... – сонно промямила Клавдия Сидоровна и прилипла к трубке: – Да, я слушаю.

– Клавдия Сидоровна, я вас жду через полчаса у себя.

Голос звучал холодно и резко, и Клавдия не сразу поняла, кто говорит.

– Ми-минуточку... – попыталась она проснуться. – А с кем я говорю?

– Это Агафья Эдуардовна. Прошу поторопиться.

Нет, ну такого обращения от нее Клавдия Сидоровна еще не слышала! Она хотела было возмутиться как следует, но телефон уже пищал ей в ухо короткими гудками.

– Черт-те что! – чуть ли не подпрыгнула на кровати почтенная дама, однако через час она уже сидела перед хозяйкой нудистского клуба.

– Ну? И зачем вы меня выдернули из постели? – напыщенно спросила она.

Агафья не торопилась объяснять. Она приказала принести ей кофе, потом долго мешала ложечкой черную жижу и, казалось, не могла решиться на разговор. Наконец ей надоела игра в молчанку, и она сурово изрекла:

– Я могу понять, что ваша ревность безгранична, но чтобы убить из-за своего мужа ни в чем не повинную женщину... Зачем вы пристрелили Марианну?

– Вам вчера фейерверком голову не разнесло? Вы что мелете? – спокойно поинтересовалась Клавдия. – Это с чего же я стала бы себе камеру готовить?

– Ах, не надо! Мы здесь с вами одни, и я бы просила без идиотских выражений! Все заметили, что вы вчера были сильно взвинчены. Вам не понравилось, что бывшая пассия Акакия Игоревича оказалась на этом вечере. Что они шушукались, баловались с телефоном, танцевали, в конце концов.

– А вам бы понравилось?

– Нет, и мне бы не понравилось. Но я не стала бы расстреливать каждую, у кого когда-то был роман с моим мужем!

– И я не расстреливала. Да с чего вы вообще решили, что это я? Я вообще-то и обидеться могу! – вышла из себя Клавдия Сидоровна.

Агафья Эдуардовна легко поднялась и вставила кассету в видеомэгнитофон.

– Вы знаете, у меня украли дорогой медальон, с бриллиантом, – говорила она попутно. – Так вот, дабы выследить вора, я понатыкала везде видеокамер. Естественно, о них никто не знал. Даже вы. И вот что я сегодня увидела.

Агафья нажала на кнопку, и на экране показалось изображение Клавдии Сидоровны.

– Ну да, это я в дамской комнате, – кивнула Клавдия. – А почему у вас запись не с начала?

– Потому что не с начала! – не знала что ответить старушка. – Отдала такие деньги, а качество ни к черту. Но дело не в этом. Смотрите, вот вы разговариваете с Марианной... Заметьте, на повышенных тонах! А вот у вас и физия расцарапана, и платье тоже... порвано, кажется... Ага! А вот вы ей угрожаете! Ну, что вы мне скажете?

– Господи! Да что сказать? Просто предупредила бабенку, чтобы не приставала к моему мужу. А вы что подумали? – возмутилась Клавдия Сидоровна.

– Я знаю ваш характер. Я также знаю, что вас ничто не остановит. И если уж вы пообещали убить, то для вас это дело чести. Поэтому... – Агафья на минуту задумалась, а потом тихо договорила: – Теперь уже Марианну не вернешь. Я не стану передавать эту кассету в соответствующие органы, не буду вам остаток дней портить, но и вы больше у меня не появляйтесь, я вас очень прошу. Я не могу иметь в друзьях убийцу.

У Клавдии кровь медленно прилила к щекам. Так ее еще никто не оскорблял. Нет, конечно, ей льстит, что ее считают человеком чести, но не до такой же степени! Ну, мало ли, что она может в гневе пообещать? Да она каждое утро клянется Акакию голову отвернуть за то, что он ее будит ни свет ни заря, но ведь до сих пор еще не отвернула.

– Что ж, я не буду навязывать вам свою дружбу, – холодно, полным достоинства голосом заявила Клавдия Сидоровна. – Я сама раскрою это дело и найду истинного преступника. А до тех пор, с вашего позволения, все-таки буду появляться в вашем доме. Только потому, что именно здесь пристрелили Марианну. А сейчас... Позвольте вас оставить, у меня теперь серьезное дело.

Да, вот так красиво и надо было ответить этой обнаглевшей Агафье! Нет, ну надо же – подумать, что Клавдия могла... убить!

Даже дома Клавдия не могла успокоиться.

– Ты представляешь, Кака, она меня подозревает! Да я назло ей... Слушай, ты так пельмени пересолил... Влюбился, что ли? – возмущенно пересказывала Клавдия Сидоровна разговор с Агафьей мужу, уплетая вторую тарелку пельменей. Во время нервного стресса у нее всегда пробуждался дикий аппетит.

Акакий грустно отвел глаза в сторону.

– Не надо было тебе ее убивать. Я же все равно ее любил не так, как тебя, – печально проговорил он.

– Что?! – взревела Клавдия. – Да вы что, сговорились?! Ну ладно, старуха просмотрела кассету, где я рычу на твою пессию, и она со старческого маразма придумала черт-те что. Но ты-то... ты-то с чего взял, что это я Марианну прикончила?

– Ах, не кричи, – отмахнулся муж. – Ты можешь быть спокойна, я тебя не предаю. Я тебя покрою, что ж делать.

С видом великомученика Акакий поплелся было в комнату, но тут же крепкая рука супружницы резко вздернула его вверх.

– Нет уж, муженек, ты меня не успокаивай, – заговорила почти ласково жена. – Ты объясни мне, дуре, чем это ты меня покроешь? В каком, интересно, смысле, пошляк?

– Клава, отпусти! Ну, Клава же! – барахтался Акакий Игоревич, пытаясь высвободиться из крепких рук. – Ну, чего ты? Мне-то можешь не врать. Я же, когда прибежал в зимний сад... да пусти, говорю... я ведь тогда нашел твою клипсу. И лицо у тебя было расцарапанное, и даже ниточка блестящая от твоего платья там валялась. Ну и чего мне-то врать?

Да, положение у Клавдии Сидоровны было препаришное. Не говорить же Акакию, что за десять минут до убийства именно в зимнем саду ее сначала зажимал прапорщик, а потом буденновской конницей налетела на нее его жена, которая и потрепала праздничный наряд Клавдии.

– Ладно, хрен с тобой, – устало махнула она рукой. – Я сама найду убийцу. Ну прямо сил никаких нет, все приходится самой! Я, между прочим, твою любимую не убивала. Ты это тоже поймешь, но будет поздно!

Клавдия Сидоровна обиженно поднялась из-за стола, но потом взгляд ее наткнулся на тарелочку с окороком, и она снова уселась.

– Вот прямо сейчас следствие и начну, – заговорила Клавдия, вооружаясь вилкой. – Рассказывайте, свидетель Распузон, как вы обнаружили труп?

– Ну, началось с фантов, – послушно начал свидетель. – Мне выпало сказать Агафье какой-то секрет, и я решил признаться, что вместо Королевского Дурсидрелла Карпон, которого и в природе не существует, но за который хозяйка отдала тысячу евро, я ей притащил обыкновенный лимон, выращенный мной из лимонной косточки.

– Не отвлекайся! Давай по существу! – одернула Клавдия ожившего вдруг мужа. Она и без того знала, что Акакий лечит всю растительность у Агафьи в доме. Так сказать, цветочный Айболит. К тому же ей стало известно, что ее супруг помогает приятельнице разводить диковинные растения. Сейчас надо было о главном.

– А я и говорю по существу. В общем, я хотел признаться ей и показать, что обычный лимончик несколько не хуже, а деньги мне и самому нужны, ну и поволол ее в зимний сад. И только двери-то открыл, а там... Агафья, конечно, сразу визжать, все сбежались, ну а дальше ты и сама знаешь.

– Хорошо, давай припомним, когда это было. Помнится, куранты уже били, значит, после двенадцати. А ты не помнишь, что по телевизору в то время показывали?

– Ничего. Мы сразу после президента его выключили, чтобы от веселья не отвлекал.

– Ну что за дурацкая идея! А ведь во всех фильмах показывают, что по программе можно установить точное время убийства... Короче, так: я сейчас собираюсь и еду к Агафье, а ты остаешься дома.

– Но... Клавочка! Я тоже должен... я с тобой...

– Ах, уймись! Я не могу работать в паре с тем, кто считает меня первой подозреваемой! Сиди дома и готовь ужин. Кстати, покорми Тимку, он со вчерашнего вечера только на мясе сидит.

Акакий еще что-то пытался возразить, но Клавдия уже подседа к телефону.

– Алло, Данечка? – ласково щебетала она. – Это мама. Сынок, мне срочно нужна машина. Прямо через часик. От силы, через два.

– Мам, но... сейчас же все автомагазины закрыты. Или ты хочешь на подержанную посмотреть? – забормотал сынок.

Судя по всему, праздник Данил отметил здорово и сегодня еще не отрывал головы от подушки. Понятное дело, что и соображал он еще весьма туго.

– Даня, послушай маму внимательно: мне не нужна машина в вечное пользование, мне нужно, чтобы ты повозил меня денек по некоторым адресам, – терпеливо пояснила Клавдия Сидоровна.

– Не, мам, не получится, – откликнулся сообразивший, чего желает мамуля, Данил. – Я уже того... вернее, я еще от вчерашнего немного... как бы тебе объяснить...

– Понятно. Выздоровливай. Запомни: лучше всего похмеляться огуречным рассолом или минералкой. А еще лучше вообще не опохмеляться. Или...

– Пивом! Лучше всего пивом! – крикнул Акакий Игоревич, пытаясь принести хоть какую-то пользу семье.

Клавдия Сидоровна уложила телефонную трубку на рычаг, немного подумала и снова стала нажимать кнопки.

– Клавочка, ну поехали вместе, – скулил рядом супруг, чувствовавший, что ему обязательно надо принять участие в раскрытии этого убийства.

– Уйди, неверный, – отмахнулась от него Клавдия. – Алло, Жорик? Жорочка, с Новым годом тебя!

Георгий Шаров был внуком одной из старинных подруг Клавдии Сидоровны. Как-то раз он опрометчиво появился в семье Распузонов, увидел Анечку и безнадежно погиб. Анечка успешно проживала со своим мужем, а Жора тайно по ней сох, за что и был особенно любим Клавдией Сидоровной. Если учесть, что недостаток у Жоры был выше среднего и возможности, естественно, тоже обширные, то понятно, что в любых затруднительных ситуациях женщина сразу звонила ему.

– Жорочка! А у меня несчастье! – радостно оповестила она Шарова.

– Эт-то кто? Валька, ты, что ли? Я тебе г-г-оворил, чтобы ты мне не звонила сегодня? Говорил? Я ж тебя пр-р-редупр-р-реждал, что сегодня у нас С-снегурочки будут! Ты мне не веришь?! – рычал Жорочка в телефон, слабо представляя, с кем беседует.

– Жорочка, это Клавдия Сидоровна. Узнал?

– Уз-знал... А кто это?

Так, понятно. Жорочка тоже отпадал по причине страшного опьянения. Клавдия Сидоровна тяжело вздохнула и набрала последний номер.

– Але, Владимир? Это теща тебя беспокоит. Мне срочно нужно воспользоваться вашей машиной! – сурово заявила она.

Зятя Клавдия Сидоровна недолюбливала. Долгое время Анечка снабжалась мужем очень скудно – тот все никак не мог расстаться со своей малооплачиваемой работой. В науку его, видишь ли, тянуло! Дочь даже расходилась с ним, но потом все же семья вновь воссоединилась. Правда, теперь Володя зарабатывал большие деньги. Он купил новую машину, обставил квартиру и даже свозил жену на юг. Но это еще не повод, чтобы воспылать к нему трепетными чувствами, так считала Клавдия Сидоровна. Сама она к зятю обращалась только в крайне ред-

ких ситуациях, когда уж совсем припекало. Не чаще одного раза в день. Правда, и не реже. Сейчас ситуация была именно такая.

– Владимир, когда я могу рассчитывать на авто?

– Да хоть сейчас! – весело рассмеялся Володя. – Приезжайте и берите.

– Что значит – берите? Ты же знаешь, что я не вожу машину. Мне нужен автомобиль вместе с рулевым... ну, с шофером. То есть с тобой. Собирайся и немедленно приезжай!

– Боюсь, не получится. Мама у нас куда-то унеслась с утра пораньше, а мы с Яной собираемся в Музкомедию на елку.

– Привози Яночку к нам, на елку с ней дедушка ходит, все равно без толку мается. Да и свитер новый я ему купила, пусть на люди в нем покажется. Что ж я, зря деньги выбрасывала? Приезжай, – скомандовала зятю Клавдия Сидоровна и отключилась.

Она мельком глянула на себя в зеркало и скривилась. Вчерашняя прическа, залакированная насмерть, сегодня торчала вопиющим гребнем. Под глазами круги, а губная помада – изумительного качества! – все так же блестела. Правда, после потасовки с ревнивой женой прапорщика она расползлась по всему подбородку, но цвет оставался все тот же – ярко-малиновый. Эх, надо бы в ванну на часик, отмокнуть, привести себя в порядок... Но разве сейчас до гигиены, когда на нее, бедную женщину, навешали всех собак! Ладно, хоть зубы успела почистить.

Клавдия Сидоровна намочила торчащий клочок, пригладила, затем попыталась стереть помаду и безнадежно махнула рукой – в конце концов, так она выглядит более устрашающе.

– Клавочка, я не хочу на елку... – ныл Акакий Игоревич, таскаясь за супругой по пятам. – Я в последний раз водил хороводы в пятилетнем возрасте.

– Похоже, ты хороводился гораздо позднее. Ах, Кака, не капризничай! В конце концов, там будут давать подарки. Ты любишь подарки? Яночка тебя угостит.

Акакий не успел ответить, в дверь позвонили, и на пороге возник пьяный, как сама водка, Жора.

– Кл-лавдия Сидрррна! С Новым годом! А вот и я!

– Жорочка, ты зачем-то так не ко времени...

– А... а в чем дело? – заштался гость.

Ему не спешили отвечать, и тогда Жора напрягся, присмотрелся и выпалил:

– У вас намечается новввое расссследование?

Он уже как-то раз имел несчастье распутывать ситуацию вместе с Распузонами, и тогда это событие бурно всколыхнуло всю его бытовую серость. Сейчас же парень понял, что может упустить еще один шанс всколыхнуться.

– Ах, Жора, да никакое не расследование! Я вам звонила... просто, чтобы поздравить, – раздраженно ответила Клавдия Сидоровна, укладывая в сумочку ученическую тетрадку с ручкой.

– Не-е-ет, – пьяно погрозил пальцем Шаров. – Вы вон, я же вижу, тетрадочку с собой берете... И меня возьмите!

Ответить Клавдии Сидоровне не пришлось, снова залился звонок в прихожей, и на пороге появились сияющий Володя с краснощекой Яночкой.

– Яночка! Детонька! – зашебетала Клавдия Сидоровна, влезая в тяжелую шубу. – Раздевайся, сегодня деда поведет тебя на елку. Смотри, сокровище мое, чтобы дед себя вел хорошо. Ты же знаешь, за ним нужен глаз да глаз.

Девочка понимающе кивнула и вздохнула совсем по-взрослому.

– Пойдем, дед, – потянула она его за руку. – Надо же тебе еще и костюм в порядок привести.

Клавдия Сидоровна с чистой совестью выпорхнула за порог – Акакий был в маленьких, но надежных ручках внучки.

– Пойдем, Володя.

– С-стоп! А я? – возопил Жора. – Меня тоже нужно взять. Вы на машине? Я могу за рулем!

Отвязаться от помощника не было никакой возможности, и Клавдия Сидоровна затолкала парня на заднее сиденье.

– Может, вы объясните, что произошло? – поинтересовался Володя, выезжая на главную дорогу.

– Вот по этому адресу езжай, – сухо распорядилась Клавдия Сидоровна, но через некоторое время не выдержала и заговорила, так как совершенно не умела ездить молча: – Ой, Владимир, и что это ты такой худой, прямо неприлично! Едем к серьезным людям, а тебя и показать совестно, как будто у тебя паразиты.

– А зачем мы едем к приличным людям? – усмехнулся зять.

– Вот прямо иголки под ногти втыкает! Вот прямо так и выпытывает, так и пытается! Ну да ладно, я не партизанка тебе какая, слушай. Вчера Новый год отмечали, и такая мерзость вышла – кто-то прикончил одну даму, а подумали на меня... – Затем Клавдия Сидоровна подробно рассказала зятю, что приключилось в праздник. Она даже стонала и два раза взвизгнула, чтобы точнее передать ужас происшедшего. – Вот и приходится сегодня самой доказывать, что я не маньяк.

– А почему подумали именно на вас? – посерьезнел Володя.

– Как почему, как почему? Да потому, видишь ли, что, во-первых, погибшая была древней возлюбленной Акакия Игоревича, вот все и решили, что я из-за ревности просто не могла ее не пристрелить. А во-вторых, там еще на кассету засняли, как я ей угрожала. Вот и делай теперь, что хочешь!

Володя отъехал к обочине и заглушил мотор.

– Стоп, давайте по порядку. Значит, вы ей угрожали?

– Ой-ой-ой, еще один сыщик выискался! Ничего это не значит. Правда же, Клавдия Сидоровна? – вдруг подал голос Жора.

– Правда, Жорочка. Я, конечно, сказала той противной даме несколько слов, но... весьма учтиво... вежливо...

– Конечно! Не будет же Клавдия Сидоровна в камеру бабу матом крыть! – здраво рассудил тот.

– Нет, ты не понял, камеры ставились так, чтобы о них никто не знал. И я не знала, что наш разговор записывается.

Володя поелозил на автомобильном сиденье и облегченно развел руками.

– Ну, тогда никаких проблем. Если про камеры никто не знал, надо просто просмотреть все записи. Возможно, там есть и преступник.

– Вовочка! Ты умница! Сейчас едем к Агафье Эдуардовне, и я устрою ей выволочку. Надо было сначала все записи просмотреть, а потом уже наговаривать на честную женщину! – воскликнула Клавдия и потеряла ладони.

Володя снова завел машину, и они покатали в загородный дом престарелой леди.

– Коленька, привет! – бабочкой впорхнула в холл Клавдия Сидоровна. – Хозяйка дома?

– А где ж ей быть! Так она не велела к ней никого пускать, – замылся охранник и косо посмотрел на Володину машину, возле которой вежливо скалили зубы два молодых мужчины внушительных размеров.

– Меня она примет. Она просто-таки возрадуется моему приходу.

– Ага! Вас она велела совсем не пропускать. Так и сказала: этих Распузонов гони в шею.

– Будем считать, что я через камин просочилась, – нахмурилась Клавдия Сидоровна и грозно двинулась вперед. Коля даже не рискнул ее остановить. Но сопровождавшие ее мужчины остались возле машины – пока накалять ситуацию не было нужды.

Агафья Эдуардовна восседала в своей комнате на кушетке, хлебала кофе и тоскливо перелистывала журналы с обнаженными мужскими торсами.

– Так, я хотела серьезно поговорить... – ввалилась в комнату Клавдия Сидоровна и усе-
лась напротив. – Вы уверены, что это я пришибла вашу гостью, так? Раз вы узрели мой разгово-
р с убиенной на своей кассете, так почему же вы не просмотрели всех записей? Не может
быть, чтобы там не засветился кто-то посторонний. Давайте еще раз вместе посмотрим.

Хозяйка дома поджала губы и напыщенно уставилась в окно. Она изо всех сил старалась
выглядеть обиженной, но это у нее с каждой минутой получалось все хуже. В конце концов,
с Клавдией Сидоровной она была знакома гораздо ближе, чем с погибшей, и Распузоны уже
однажды спасли ее от большой беды. И вообще, по большому счету, она была не права, когда
обвинила Клавдию в тяжелом грехе убийства. Но не признавать же теперь свою вину! Еще,
чего доброго, заставят принародно извиняться. Поэтому сейчас Агафья Эдуардовна выбрала
эдакий устало-замученный вид и отвечала, едва шевеля губами:

– Клавдия Сидоровна, неужели вы думаете, что я не просмотрела всех кассет? Да вот
они. Я их разглядывала чуть ли не с лупой, и... ничего там нет, никакого преступника!

– И все же давайте посмотрим. Только скажите мне сначала, сколько было видеокамер?
Старушка что-то посчитала в уме, потом ответила:

– Шесть. На входе, в дамской комнате и у меня в спальне, а остальные в коридорах на
этажах.

– А в зимнем саду была?

– Помилуйте, зачем мне камера в зимнем саду? Что там можно украсть? Цветы? Так там
стоят такие крупные экземпляры, которые в карман не сунешь. Кстати, а вы чего не раздевае-
тесь, Клавдия Сидоровна? В моей спальне и в полном зимнем обмундировании? Хоть шапку
бы сняли, не слышите же ничего, – оскорбилась вдруг хозяйка.

Клавдия именно шапку снять как раз и не могла – не показывать же ухоженной Агафье
Эдуардовне остатки от вчерашней прически. А вздыбившийся клочок она так и не смогла укро-
тить.

– Вы не отвлекайтесь, у меня времени нет перед вами стриптизом заниматься, – сурово
отмахнулась Клавдия и продолжала сидеть в шубе и шапке.

– Ну давайте смотреть. Что там вас интересует?

Клавдия по-свойски вставила кассету в видеоманитофон, и по экрану телевизора побе-
жала рябь. Смотреть кассеты оказалось делом изнурительным.

– Агафья Эдуардовна, вы хоть бы догадались чаем меня напоить. Я ведь не в карты к вам
пришла играть, – тоскливо проронила Клавдия Сидоровна, просмотрев третью кассету.

– Вы, я извиняюсь, в верхней одежде будете чай гонять? – опять прицепилась Агафья. –
Насколько я помню, это неприлично.

– Вы перепутали, – не осталась в долгу Клавдия, – неприлично в нижнем белье, а в верх-
ней одежде нормально. Ну, так где чай?

Хозяйка вскинулась и понеслась кричать на все этажи, требуя чаю. Вскоре расторопная
прислуга прикатила маленький столик, заставленный всевозможными вазочками, чашечками,
чайничками и конфетницами.

– Надо же – ничего! Все кассеты просмотрели, и никакой зацепки, ни одного подозри-
тельного лица! – огорченно бубнила Клавдия Сидоровна, запихивая в рот сразу две конфеты. –
А скажите, про кассеты точно никто не знал?

– Точно! – уверенно мотнула головой Агафья Эдуардовна. – Никто. Только Николай.
Кстати, это он мне сказал, что камеры в коридорах нужно ставить. А больше никто.

– Ну вот, началось... А кто вам посоветовал в дамской комнате камеру установить?

– Ну так Валя Рогова! Она сказала, что в дамскую комнату никто просто так не войдет. Раз там дверь замыкается, значит, там можно спрятать поудобнее все, что вор стащил. Я имею в виду, что можно, допустим, в лифчик украденное затолкать или... А что, дельная мысль, мне понравилась.

Клавдия Сидоровна обреченно покачала головой.

И Колю, и Валу она знала хорошо. Коля – человек, преданный Агафье до мозга костей. Правда, в прошлый раз его сынок Ромка пытался Агафью грохнуть, но они тогда вывели парнишку на чистую воду, а сам Коля – чисто пес, верный и преданный. Валя тоже девушка замечательная. У нее состоялась наконец-таки свадьба с ее возлюбленным, и теперь она глубоко беременна. Поэтому нечего и думать, что девчонка замыслила кого-то там убивать. Это все понятно. Но понятно также и то, что видеокamеры страшной тайной ни для кого не были.

– И что там? – кивнула Агафья на экран.

– Я же говорю – ничего. Все лица знакомые, никого постороннего, ничего подозрительного. Похоже, тот, кто стрелял, тоже о них знал, о камерах-то, – вздохнула Клавдия Сидоровна и потянулась за пирожным. – Расскажите мне лучше, что у вас за гости были. Все как-то так быстро промелькнуло, я даже не успела никого толком разглядеть.

Агафья Эдуардовна отхлебнула крохотный глоточек чаю и рассказала о гостях все, что ей самой было известно.

Семизвоновы Семен Семенович и Лариса Федоровна в последнее время вообще были частыми гостями у Агафьи. Глава семьи, Семен Семенович, – бывший военный, прапорщик. Как он говорил, только-только вышел на пенсию и собирался вплотную заняться бизнесом. Больше всего ему хотелось найти такое дельце, чтобы и деньги ручейком текли, и глаз радовало. Поэтому они с женой решили открыть где-то на задворках края такое же предприятие, как у Агафьи, – тоже нудистский клуб, – и теперь почти ежедневно изнуряли опытную Агафью Эдуардовну вопросами. Причем к ее советам не прислушивались совсем.

– Ну вы сами подумайте, где вы собираетесь открывать клуб? На Дальнем Севере?

– Ну и что? Там что, по-вашему, только одни белые медведи проживают?

– Но как же люди у вас будут загорать совершенно раздетыми? Там же холод!

– Да, там холод. И снег. И полгода ночь. Ну и что? Зато там никакой конкуренции!

Доказать им что-то было невозможно, отвязаться от семьи прапорщика – тоже. Поэтому Агафья решила пригласить Семизвоновых, они бы все равно пришли.

Семья бизнесмена Василия Петровича Красикова была самым частым посетителем клуба. Несколько раз Красиковы вместе с Агафьей ездили развлекаться на заграничные моря, а после того, как совсем недавно это семейство приобрело левретку и назвало ее в честь хозяйки клуба Агафьей, место за праздничным столом им было обеспечено.

– Между прочим, Марианна – их знакомая.

– Слушайте, Агафья Эдуардовна! По паспорту она Мария Зудова, мне муж говорил, так что будем ее звать просто, по-русски – Мария. Насмотритесь мексиканских пузырей, и давай любую Машу Марианной кликать! Давайте-ка мне адресочки ваших Красиковых и... ага... и Семизвоновых тоже. Надо мне навестить ваших гостей.

Агафья Эдуардовна пожала плечиками и быстро нацарапала адреса.

– А теперь скажите, кто работал у вас вчерашнюю ночь? – продолжала допрос Клавдия.

– Ах, боже мой! Ну, кто работал... Коля, потом Валя Рогова – она последние дни дорабатывает. Потом... потом Катя-повариха, и все... Нет, еще Лера – горничная.

– Что ж у вас так мало прислуги было в праздник-то?

– Ну, вы тоже, такая интересная! Им же в праздник надо платить по двойному тарифу. А мне это зачем? И потом, каждый хочет встречать праздник непременно в кругу семьи. Каждый год разборки, смена графика. Нет, нам так удобнее.

– Еще один моментик, – вспомнила Клавдия. – Вроде бы Мария постоянно с сумочкой толкалась, а когда ее убили, сумочки не было. Вы не находили?

– Нет, – уверенно мотнула головой Агафья. – Я серьезно тебе говорю – никакой сумочки. Хотя я и сама видела: Мария пришла с ней. Там у нее и телефон, кстати, был. И куда все подевалось?

– Так, оставим вопрос открытым. Дальше...

Клавдия еще задавала какие-то вопросы, пока не кончились печенье и пирожные, потом с достоинством поклонилась и потопала к двери.

– Клавдия... ты слышишь... ты на меня не сердись. Вот найдешь преступника, помиримся, правда? Кстати, передай Акакию, что у меня опять захворала азалия, пусть приходит.

– Агафья Эдуардовна, боюсь, моему мужу некогда будет лечить цветочки. Ему надо отстаивать честь жены!

Клавдия выплыла из комнаты и направилась к зимнему саду. Раньше это была просторная лоджия, но позже ее расширили, произвели какие-то строительные доработки, и теперь сие пространство называлось зимним садом и радовало глаз свежей, насыщенной зеленью. Вот под этой пальмой была убита Мария Зудова... а здесь валялся пистолет... Никто, конечно же, не оставил его на том же месте – ведь приезжала милиция. И следов никаких уже не осталось, но осмотреть комнату все же было надо. Клавдия знала про это, читала в книгах.

Из-под шапки ей на лицо давно ручьем струился пот, но она так и не сняла головной убор. В зимнем саду женщина рухнула на колени и принялась сантиметр за сантиметром ощупывать пол, покрытый дорогим ковром. Ползать в шубе было неудобно, но снимать ее Клавдия постеснялась – а ну как кто увидит, что одета она совсем не для первого января. Пусть она в памяти людской еще немного побудет яркой и нарядной. Клавдия исползала всю лоджию, но без толку. Ничего не нашла.

– Клавдия Сидоровна, вы потеряли чего? – окликнула сыщицу приятная Валя Рогова, горничная Агафьи.

– Не потеряла... Но ищу, – не отрываясь от дела, пробормотала Клавдия. – Ищу, может, что-то после вчерашнего осталось.

– Да где же останется! Нас всех с самого утра Агафья Эдуардовна гоняла, сказала: чтобы ни одна пылинка мне о случившемся не напоминала. Мы с Леркой все сами здесь вылизали.

– И ничего не нашли?

– Ничего. А что, надо было? – удивилась Валя.

– Да нет, ладно, ничего не надо. Сумочки не было?

– Нет, конечно! Если бы была, я бы так и сказала – сумочку нашли. А так... ничего не было. Да вы у Леры можете спросить, если мне не верите.

– А где она, эта Лера? – кряхтя, поднялась с пола Клавдия.

– Она уже домой ушла, смена-то кончилась. Я тоже собираюсь, жду, когда за мной Иван заедет.

– Ага... Ну счастливо тебе, – попрощалась Клавдия и заторопилась на улицу.

В ее сумочке были адреса двух семейств, которые непременно надо было посетить.

Возле машины наблюдалось оживление. Коля даже вышел из стеклянных дверей, чтобы лучше разглядеть, как два здоровенных бугая тычут друг друга в грудь растопыренными руками.

– Я ей законный муж! – кричал один бугай.

– Да какой ты муж? – возражал ему другой. – Ты и на мужа-то не похож!

– А на кого я похож, по-твоему?

Опытным глазом Клавдия сразу разглядела ссору из-за женщины. Мало того – из-за ее дочери Анечки. Ну что ж, здоровое соперничество мужчин только украшает женщину.

Поэтому она оставила бугаев еще какое-то время толкаться ладошками, а сама обратилась к Коле:

– Николай, вчера ведь вы работали, если я не ошибаюсь?

– Вы посмотрите, ну чисто петухи! – радостно потирал руки Николай. – Нет, смотрите, смотрите!

– Вы про петухов-то тут не очень... Я бы не советовала так говорить, а то смотреть нечем будет. Николай, я же спросила вас – вы вчера работали?

– Дык я ж, кто ж еще! – раздраженно подтвердил Коля, которому до жути хотелось посмотреть, решатся ли солидные мужчины на самый обычный мордобой.

– Ко-ля! Не отвлекайтесь, – дернула его за рукав Клавдия. – Скажите, кто-нибудь мимо вас вчера незнакомый проходил?

Мужчина задумался только на секунду, а потом принялся отчаянно мотать головой:

– Да не-е! Вы чего! Мимо меня не то что незнакомый, и муха не пролетит! Да я ж...

– А знакомые туда-сюда не передвигались?

– Нет, они только один раз передвинулись туда, а потом один раз обратно. А больше не-е.

– А милиция? Она же тоже приезжала. А вы говорите, что никого незнакомых не было, – поймала собеседника на слове Клавдия.

Николай снисходительно посмотрел на женщину и хмыкнул:

– Так милиция-то позже приезжала. Уже после того, как прибили девку-то. Я ж ить понимаю, чего вы спрашиваете, вы ж хотите узнать, не приходил ли кто посторонний, чтобы это... девицу замочить.

– Она, между прочим, такая же девица, как и я. Мы с ней одного года.

– Да не, не может быть. Неужто вам тридцать пять? – с сомнением заулыбался Николай.

– Ей, между прочим, тоже не семнадцать было. Говорю, с одного года мы. И вообще, отвечайте на вопросы! Еще раз спрашиваю – никто не проходил? – взвинтилась Клавдия. Вопрос возраста был для нее самым большим.

– Еще раз отвечаю – никто! Можете меня даже на компьютере или как его там... проверить – вру или нет.

– И ничего подозрительного не видели?

– А чего подозрительного? По телевизору только праздничные программы показывали, никаких подозрительных тебе сериалов, политических высказываний. Ничего подозрительного!

Клавдия махнула рукой и подошла к машине. Мужчины возле авто уже повысили голоса на три тона.

– Да я ее и с ребенком возьму! – кричал один.

– А кто тебе ее даст, тем более еще и с ребенком! – отвечал другой.

– Да я тебе два раза по печени дам, и ты мне ее сам отдашь!

– Так! Прекратить бартер! Мы едем в гости! – зычно рявкнула Клавдия, и мужчины шустро поскакали в салон автомобиля.

Они уже хотели отъехать, но тут произошло волшебное явление – из стеклянных дверей дома выпорхнуло неземное создание. В коротенькой белоснежной шубке, в длинных сапогах, тоже цвета свежего снега, и с совершенно огненными кудрями.

– От эт-то фея! – ошарашенно прошептал Володя, забыв завести машину.

– Ну, блин, Пугачева! – восторженно вторил Жора.

Клавдия Сидоровна не стала трясти брыльями, а тут же приступила к действию – сейчас любой человек, вышедший из дверей дома ее приятельницы, представлял для нее интерес. Она с трудом вылезла из машины и направилась к яркой девице.

– Частный детектив Распузон, – небрежно представилась она. – С кем имею честь?

– В каком смысле? – уставилась на нее накрашенными глазами девица.

– В самом обычном. Как ваше имя? Ну, звать вас как?

– Лера. Валерия Андреевна Баранова, а что?

– Это вы здесь горничной работаете? А нам Валя сказала, что вы уже уехали, поскольку смена ваша кончилась.

Девушка обиженно дернула подбородком:

– Хм, смена. Смена-то кончилась, а вот автобус подходит только через час после ее окончания. Что ж мне, на морозе торчать? У меня же нет своей машины, как у Валиного мужа!

– А вы садитесь к нам в машину, – вежливо пригласил Жора, высовываясь из открытого окна Володиной иномарки.

Клавдия даже не заметила, как они подкатили поближе.

– Да и правда, садитесь, мы вас вмиг домчим, – скалился и ее зять.

Девушка не стала капризничать, а быстренько устроилась на переднем сиденье. Вообще-то там только что сидела Клавдия Сидоровна, и это место по праву принадлежало ей, как законной теще. Но ведь не вышвыривать нахалку обратно, тем более что она еще и не рассказала ничего.

– Лера, вы вчера, когда работали, ничего странного не заметили? Ну, может, какие-то незнакомые люди приходили, или там, я не знаю, следы вы мокрые от снега увидели в доме, шум какой слышали, может быть? – начала допрос Клавдия Сидоровна.

– Это вы про вчерашнее убийство, что ли? Ничего не заметила. Меня уже и милиция спрашивала, теперь вы еще. Скажите, молодой человек, а для чего вот здесь эта штучка? – щебетала легкомысленная горничная, обращаясь к Володе.

Зять зарделся, пошевелил «штучку», и в салон полилась забористая музыка.

– Вот классно! – подпрыгнула девушка. – Новый год, Новый год, Новый год!

– Девушка... Володя, да выключи ты эту тарахтелку! Девушка, а никто вам не попадался из гостей возле зимнего сада? Или, может, вы слышали, как Марианна с кем-то там разговаривала?

– Ой-ой, как вы меня достали! Да никого я не видела! Слышала только, что Марианна в женской комнате с кем-то собачилась. Так, по-моему, с вами и грызлась. Вы же тоже вчера были, чего сами-то ничего не разглядели?

– Нет, ну в самом деле, что ж это вы, Клавдия Сидоровна, прямо поговорить с девушкой не даете? – вклинился в допрос Жора. – Девушка, так вас Лерой зовут? А какое у вас семейное положение? Это для расследования, честное слово...

Все остальное время, до самого дома Леры, Жора заливался соловьем. Клавдия Сидоровна даже и не подозревала, что у парня такой словарный запас.

– А вот и мой дом. Спасибо, что добросили. Вы меня проводите? – обратилась рыжая бестия почему-то к Володе.

Пока парень мялся, теща сурово отрезала:

– Он не может, у него на руках жена и ребенок.

– А я... я совершенно свободен! – обрадованно вскрикнул Жора и выскочил из машины, дабы подать очаровашке руку.

Девушка совсем уже было выскользнула из салона, но вдруг наклонилась в сторону Клавдии Сидоровны и тихо бросила:

– Не трогайте это дело, не лезьте.

Пока Клавдия соображала, что к чему, та уже весело хохотала, семена ножками к подъезду.

– Я не понял, что это она вам сказала? – первым опомнился Володя.

– Это она не мне, она тебе сказала – не трогайте, мол, это тело, не лезьте, без вас желающих пруд пруди, – фыркнула теща и уставилась в окно.

Минут через пять прибежал раскрасневшийся Жора и забасил:

– Не, вы прикиньте, а? Она мне свидание назначила завтра. Прямо так и сказала: приходите, мол, ко мне завтра в семь. Володька, ты не здесь, ты там лучше выезжай. Не, ну какая дива, а? Картинка! Она мне и говорит: вы, мол, мне сразу понравились.

– Ей, по-моему, Володенька больше приглянулся. И если бы я здесь не сидела, у вас, милый зять, был бы второй развод с моей дочерью, – напыщенно пробухтела Клавдия Сидоровна.

– Да чтобы я Ане изменил... да... – пытался оправдаться несчастный зять.

– Стой! – вдруг завопил Жора. – Стой! Поворачивай назад!

– Да что случилось? – переполошилась Клавдия Сидоровна.

Жора так разволновался, что даже побледнел, что при его обычном кирпичном цвете лица было крайне затруднительно.

– Вовка, поворачивай назад! Она мне назначила свидание на завтра в семь вечера, а я не могу, у меня встреча с важными людьми. Поедем обратно, я ее попрошу встретиться чуть позже.

Володя молчком развернул машину и снова зарулил в уже знакомый двор.

– Ого! А ну, стой! – вскричала теперь Клавдия Сидоровна. – Встань как-нибудь незаметненько.

Машина у Володи была хоть и иностранного производства, но избитого белого цвета, к тому же владелец не утруждал себя наведением излишней чистоты на своего железного коня. Может, оно и некрасиво, но в данную минуту грязноватая машина ничем не выделялась среди прочих и в глаза не бросалась. Во всяком случае, Лера ее не заметила. А сейчас из подъезда дома выходила именно Лера в своей белоснежной шубке. Девушка уверенно подошла к небольшой стоянке возле дома, открыла ключом яркую, золотистую машину и по-хозяйски плюхнулась за руль. Через какое-то время золотистое авто выкатилось со стоянки и принялось лавировать между домами. Когда машина исчезла из вида, Володя отважился покатить следом. Он выехал на главную дорогу, но нигде золотистой машины видно не было.

– Куда это она подевалась? – удивленно пробормотал Жора.

– А может, в том дворе? – подсказала Клавдия Сидоровна.

Но ни в том, ни в другом дворах ее не было, машина будто испарилась.

– Да-а, интересная дамочка Лера...

– Странно... А что же она говорила, что у нее нет машины и она боится мерзнуть на морозе?

– Слушай, Жор, а хорошо, видно, Агафья платит своим горничным, если они на таких крутых тачках разъезжают! – присвистнул Володя.

– По всему видать, тебе, Жора, придется завтра отложить все твои деловые встречи с серьезными людьми и топать на свидание с Лерой. А уж мы тебя будем страховать, – вывела Клавдия Сидоровна.

Жора шмыгнул носом. Он как раз старательно решал, как удобнее отменить встречу с деловыми партнерами.

– А вы что, со мной вместе потащитесь? – наконец спросил он.

– Нет, Жорочка, мы тебя в машине страховать будем. А сейчас... А сейчас давай, Володя, домой.

Акакий Игоревич не спал всю ночь. Он вообще еще не спал с того времени, как случилось это несчастье. Да и разве тут уснешь? Маруся погибла. Но самое страшное, что, если он ничего не выяснит, неминуема еще одна смерть, уже по причине самого Акакия Распузона. А он с семи утра ломает голову и никак не может придумать, как бы этого не допустить. И никто не сможет помочь, только он сам. Эх, черт, а начиналось все так хорошо!

Понятное дело, что Акакий в такой ситуации совсем не планировал веселиться, но внука – дело святое, и дед, побрякивая, потащился на другой конец города в Музкомедию. Праздник для детей устраивали по старинным традициям – с Дедом Морозом, с подарками и с различными конкурсами, в которые настоятельно затягивали и родителей. Акакий смог бы отмахнуться от кого угодно, только не от Яночки. Девочка сделала из деда настоящего актера – он и пел, и плясал, и скакал верхом на стульях, и с чьей-то такой же несчастной бабушкой бегал наперегонки в мешках – в общем, развлекал детей по полной программе.

Когда Акакий поднимался на свой этаж, он молил только об одном – чтобы Володя, его зять, приехал за Яночкой как можно быстрее. Однако возле дверей его ждало новое испытание.

– Ну, наконец-то! – рассерженно поднялась с баула сухонькая старушка. – Думала уже, скончаюсь тут у вас в подъезде!

– Мама... мама, ты? – только и смог пролепетать Акакий.

– Я, кто ж еще! Ты давай не мамай, а открывай дверь. Уже так хочется раздеться...

Матушка Акакия Игоревича Катерина Михайловна – дама маленькая, сухонькая и весьма по характеру норовистая – последний раз приезжала, когда ее внучке Анечке исполнилось три года, остальное время общаться предпочитала письменно. А вот сейчас, надо же...

– Ну чего ты застрял? Ой, надо же, как Анечка подросла! – запоздало всплеснула руками старушка, увидев свою правнучку.

– Меня Яной зовут, а Анечка – моя мама, – поправила ее девочка.

– Господи! Это во сколько ж она у вас родила? Ты чего это ребенку позволил? – гневно накинулась на сына матушка, продвигаясь в открытую дверь.

– Мама, Анечке уже двадцать семь. Ты забыла? Я же тебе писал...

Пришлось забыть про спокойный отдых и бросить остатки сил на устройство родимой маменьки. Уже когда Акакий сидел за столом и наливал матери седьмую кружечку чаю, в двери позвонили.

– А вот и мы, – донесся из прихожей голос зятя.

– О, мама! Сейчас я тебя познакомлю с новым родственником, с зятем нашим, с Володей! – обрадованно вскочил Акакий.

– С каким же новым? Он старый, его, наоборот, уже менять давно пора, – раздалось недовольное ворчание Клавдии Сидоровны.

Акакий с облегчением вздохнул. Как бы там ни было, сейчас можно будет наконец отдохнуть и спокойно подумать. Клавдия лучше сумеет ухаживать за престарелой свекровью.

– Клавдия! И где тебя носит?! – проявила неудовольствие свекровушка. – Я тут весь вечер глаю чай, а у тебя даже мысль не мелькнула предложить мне какую-никакую захудалую котлетку!

– Ой, мама! И вы здесь? Столько радости в одни руки! – растянула губы в оскале Клавдия и засуетилась на кухне.

– Что эт у тебя на голове? – ткнула свекровь острым пальцем Клавдию Сидоровну в темечко.

Клавдия уже и забыла, что после вчерашнего никак не может привести себя в неотразимый вид. Даже не то чтобы ей некогда было расчесать противный клок, в который превратилась вчерашняя роскошная прическа, просто он никак не желал мирно укладываться на голову.

– Да это так, вчера Новый год отмечали, – отмахнулась она.

– Так ты что же, на голове стояла? – сурово нахмурилась свекровь. – Акакий, ты бы за женой-то приглядел. Может, ее на лечение надо?

– Володя, ты оставайся, поужинаете с нами, – пригласил Акакий Игоревич, теща надежду на рюмочку по такому солидному поводу. – Я тебя с мамой познакомлю.

– Нет, нет, наслышан, мы как-нибудь потом, после, вместе с Аней, – поспешно ретировался зять.

Дальше весь вечер крутился возле путешественницы. Она очень долго плескалась в ванной, и Клавдия Сидоровна всерьез перепугалась, не случился ли с бабушкой паралич после длительной поездки. Потом опять пошли пить чай, потом бабушка принялась трясти своими вещами, которые потребовала немедленно развесить по всей комнате, а вот как раз новогодние украшения приказала снять, чай, не малыши уже возле елок скакать.

– Мамочка, а... а вы к нам надолго? Или так, на праздники? – закинул удочку Акакий.

– Теперь у тебя, сынок, вся жизнь будет сплошным праздником. Я сюда навсегда переехала. Помирать здесь буду.

– Когда? – не подумав, ляпнул сынок.

– Когда приспичит, – сухо поджала старушка губы и принялась заталкивать в себя последнюю конфету из коробки, которую сама же и привезла в подарок родственникам.

Клавдию будто облили ледяной водой. Она стояла, как памятник жене-героине – с чайником в руке, с полотенцем наперевес, – и не могла вымолвить ни слова. Конечно, квартира когда-то досталась им с Акакием от свекрови, но они уже и думать забыли, что ее, возможно, снова придется делить с ближайшей родственницей. Все пропало, теперь будет не до расследований, и Акакий так и останется думать, что несчастную Марию Зудову прикончила она, Клавдия, из-за неудержимой ревности. И Агафье она никогда ничего не докажет. Да уж, начался годик!

– А ты чего стоишь как замороженная? Видишь, мы с сыном отдыхаем, беги, приготовь мне постель. Да Акакию место найди, а мне подушку попышнее, я не могу на твердой, – распоржалась свекровь.

– А Акакию-то место зачем? Мы же с ним в спальне спим.

– Нет, теперь я в вашей спальне жить буду, там уютно. Не валяться же мне в гостиной!

Пришлось перетаскивать кое-какие мелочи, чтобы определить старушку в спальню. Если разобраться, то она права – старому человеку хочется больше поспать, ему мешает телевизор, раздражают посторонние голоса, и где, как не в спальне, найти лучшее уединение. Вот сейчас Клавдия ей постелит, и можно будет уложить бабушку на боковую, а самой тем временем переказать мужу все, что удалось разузнать.

Однако уложить бабушку спать оказалось делом далеко не самым простым. Времени было уже около двенадцати, а бабулька только-только ожила и сменила ворчливое настроение на эдакое шкодливое:

– Чего эт вы скисли? Не хотите с бабушкой жить? Хе-хе-хе. А думаете, мне приятно с бабками водиться? Нет уж, я лучше здесь, с вами, с молодежью, – веселилась она, подмигивая Клавдии.

У той уже давно глаза слипались от усталости, но приходилось вежливо хихикать и составлять компанию. Свекровь Катерина Михайловна расположилась в гостиной на диване и бойко орудовала телевизионным пультом.

– О! Сейчас самые программы пойдут! – заговорщицки подмигнула она супругам. – Вы эротику не смотрите? Зря, зря, там такие штучки иной раз показывают...

У Распузонов все больше раскрывался рот от изумления. О том, чтобы поговорить наедине, не могло быть и речи. Наконец, когда пошел третий час ночи, а старушка увлеклась передачей про современный рок, Клавдия не выдержала:

– Кака, ты, если хочешь, можешь смотреть эротику, можешь слушать тяжелый рок или упиваться ужастиками, а я нет, я пас, я в спальню. Потом меня растолкаете, когда наша матушка соизволит отойти ко сну.

И Клавдия, точно зомби, поплелась в комнату, прикрыла двери и поняла, как же все-таки счастливо жили они с Акакием... до сегодняшнего дня.

Утро началось с кошачьего ора. Вчера про Тимофея благополучно забыли, ублажая бабушку, и сегодня никто не сообразил встать пораньше, чтобы накормить кота.

Клавдия с трудом разлепила веки и тут же оглохла от оглушительного храпа. Храпела Катерина Михайловна. Вообще зрелище было еще то – на широкой супружеской постели прилежались Клавдия Сидоровна и Акакий Игоревич, а между ними в розовой пижаме с далматинцами, раскинув руки, храпела свекровушка.

– Господи, как я еще не оглохла этой ночью, – буркнула Клавдия Сидоровна и подалась на кухню. – Сейчас, Тимочка, сейчас, котик, рыбки тебе дам.

Шмякнув в кошачью миску кусок минтая, Клавдия поспешила в ванную. Сколько уж можно ходить с таким гребнем, ведь сегодня мужчины должны подъехать. Только хозяйка погрузилась в приятное тепло, вылив в воду полфлакона пены, как тут же по двери требовательно забарабанили:

– Клавдия! Немедленно открой! Чем можно заниматься столько времени?! – голосила Катерина Михайловна, без устали работая кулаком.

– Вот ведь, не спится ей... Мама, я принимаю ванну!

– Хватит уже, вылазь! Ты не одна! И что за мода такая – по три часа санузел занимать?

У Клавдии лопнуло терпение. Она могла прямо сейчас выскочить, разбрасывая ключья пены, и наговорить свекрови гадостей, но... но подумала и решила стуков не замечать. И все бы ничего, однако через пять минут Катерина Михайловна выключила свет, а в темноте барахтаться в ванне было совсем неприятно.

– Заходите, маменька, – ласково улыбнулась Клавдия, выходя из ванной с замотанной полотенцем головой.

Катерина Михайловна победоносно хмыкнула и исчезла за дверью, заперев ее за собой. Сама она совершенно не торопилась. Несчастный Акакий уже минут сорок бросал на дверь ванной скорбные взгляды, молясь лишь о том, чтобы никому не пришлось в голову заявиться сейчас в гости.

– Акакий, расскажи мне, что она за женщина была – Мария Зудова? – решила использовать время для конфиденциального разговора с мужем Клавдия.

– Ах, Клавочка, оставь! У тебя совершенно нет никаких причин для ревности! – отмахнулся Акакий и скроил тоскливую мину. Господи! Ну, Клаву-то куда несет?!

– Что ты руками машешь? Тоже мне, вертолет нашелся! Я тебя серьезно спрашиваю – что ты про Зудову знаешь? – рассерженно накинулась на него Клавдия. Ее уже начало потряхивать от свекрови, и она должна была на кого-то выплеснуть эмоции.

– Ах, Клавочка, это было так романтично... – Акакий Игоревич закатил глаза, но мощный толчок жены вернул его в действительность. – С Машей мы познакомились... Короче вышло так...

... Стали уже забываться те времена, когда за порядочной книгой нужно было отстоять многодневную очередь. Акакий был молод, сердце требовало любви и романтики, а окружающие девушки почему-то для него, для Акакия, этой самой любви всегда жалели. Выручали книги. Конечно, он уже давно прочитал всего Дюма, где главными героями были бесстрашные, прекрасные мушкетеры, а их возлюбленными – очаровательные дамы. Акакий очень стыдился, но его безумно тянуло перечитывать эти романы про мушкетеров еще и еще. Он уже четыре раза брал в библиотеке одни и те же книги, и когда пришел брать их в пятый раз, седенькая библиотекарьша укоризненно покачала головой:

– Тебе ведь уже наверняка двадцать минуло?

– Ну да, мне уже двадцать два! – радостно доложил Акакий.

– Ну вот, уже двадцать два, а все еще одни и те же книжки прочитать не можешь. Дюма, он ведь не только про мушкетеров писал. Посмотри, вон сколько у него произведений.

Но Акакию хотелось только про них, и он понял – надо любимую книгу просто иметь у себя дома. Несколько раз он сдавал утильсырье, и наконец ему выдали карточку, которая

давала надежду на приобретение вожеленного издания. Правда, надо было ходить каждое утро к книжному и отмечаться в очереди, чтобы, не дай бог, тебя не пропустили. И вот там-то, в очереди, и произошло это чудесное знакомство. Она стояла сразу позади него, такая милая, тоненькая, с большими глазами. Дело было летом, и на третий день их стояния на очередь обрушился дождь.

– Идите ко мне под зонт, – стеснительно предложила она, лучезарно улыбаясь.

И он пошел. В сущности, ходить никуда и не надо было, нужно было просто поближе придвинуться к ней, к такой...

– Ты сильно-то в подробности не вдавайся, эк тебя развезло! – одернула его супруга.

– Ну вот, а потом...

А потом они еще долго встречались каждый день на том же месте, в той же самой очереди, которая, похоже, никуда не думала продвигаться. И когда наконец Акакий и Маша получили свои книги, у них в судьбе уже все было решено.

– Пойдем, я тебя познакомлю со своей мамой, – зарумянился парень.

– А может быть, не надо маму? – слабо протестовала Маша, но Акакий был непреклонен.

– Ага! А я эту самую Машу – поганой метлой! – выбралась наконец из ванной Катерина Михайловна, уже минут десять слушавшая оттуда откровения сына.

– А почему? Чем она вам так не приглянулась? – насторожилась Клавдия.

– Так для тебя сына берегла, дурочка! А к тому же у нее не было городской прописки! – возмутилась свекровь.

Клавдия пыталась сосредоточиться.

– Выходит, она черт-те откуда приезжала, чтобы за книгами в очереди постоять, так, что ли?

– Нет, она жила в общежитии, – раздраженно пояснил Акакий.

– Она, получается, здесь училась или работала? Откуда у нее общежитие? – допытывалась Клавдия Сидоровна.

Катерина Михайловна плюхнулась на стул, подгребла к себе вазочку с конфетами и махнула рукой.

– Ой, да, может, и не училась, и в общежитии не жила. Господи, Клава! Ты что, не знаешь нашего Акакия? Ему же на уши можно какую угодно лапшу развесить. Вот скажи, сынок, где работала твоя возлюбленная?

– Мы об этом не говорили...

– Ну, тогда она, может быть, училась?

– Да я же говорю вам – мы не об этом разговаривали!

– А о чем?! – возмутилась Клавдия. – О чем ты с ней столько дней язык чесал?

Акакий вскочил, нервно подбежал к окну и стал выстукивать пальцами по стеклу марш Мендельсона.

– Я... я не помню.

Ну не признаваться же в самом деле жене и матери, что они с Машей каждый раз говорили о погоде, об облаках, о радуге и... да, и о невероятных ценах на книги. И вообще, имеет он право хотя бы на воспоминания?! Правда, Маша еще спрашивала, где и с кем Акакий проживает, где трудится, но об этом и вовсе ему не хотелось сейчас вспоминать.

– Я уже не помню. Может, она и говорила про учебу, только теперь уже бесполезно вспоминать.

– Ясно. Все приходится узнавать самой! – всплеснула руками Клавдия.

– А зачем это тебе? – вздернула бровки Катерина Михайловна.

– Ах, мама, жуйте уже ириски!

Жора приехал, когда только-только стукнуло шесть. Клавдия поджидала его одна – све-кровь еще раньше утащила Акакия пройтись по музеям, и они до сих пор не вернулись. Не иначе стареющая леди восхотела посетить и местные рестораны.

– Володя не появлялся? – с порога спросил Жора.

Сегодня он выглядел импозантно, как никогда. На нем сиял новенький, с иголки, костюм насыщенного фиолетового цвета, рубашка горела лимонным колером, шею опутывал ярко-оранжевый шелковый платок, а ноги сияли ярко-красными туфлями на тоненькой подошве.

– Ну, как я вам? – краснея лицом, поинтересовался Георгий Шаров, видя, что Клавдия Сидоровна оторопело его разглядывает.

– Ну просто набор китайских фломастеров... То есть я хотела сказать, эталон изящности! Я бы сказала – вопль современной моды... предсмертный. Ну да я не об этом. Жора, ты сотовый с собой взял? Мало ли какая ситуация может приключиться.

– Мобила всегда со мной, не беспокойтесь. О! А вон и Вовчик нам сигналил!

Во дворе и в самом деле в тот момент засигналила машина Володи.

– Все, садимся на дорожку и едем. Жора, да не на ковровую же дорожку! Куда ты мостишься?

Ровно в семь из белой иномарки возле подъезда Леры вальяжно выбрался наодеколоненный, как парфюмерный завод, Жора и плавно пошагал на встречу с прекрасной девушкой. Клавдия Сидоровна и Володя, приехавшие опекать его, остались в машине.

Прошло полчаса, а из дверей подъезда никто не выходил.

– Клавдия Сидоровна, а чего мы, собственно, ждем? – наконец догадался спросить Володя.

– Не чего, а кого. Мы здесь на всякий случай. Ну мало ли, вдруг нашего Жорика убивать начнут или еще какие насильственные меры к нему применять...

– А откуда мы про это узнаем? И потом... А если у них там обычное свидание получилось, мы что же, всю ночь здесь проторчим?

Клавдия Сидоровна поелозила на сиденье и снова уставилась в окно. Вот сразу было видно, что Володя совсем не обладает сыщицкой жилкой. Была бы у него такая детективная струнка, он бы понял, что просидеть в засаде можно не только до утра, но и до следующего вечера. А что делать, если надо!

– Клавдия Сидоровна, может, Жорке на мобильный звякнуть, чтобы он не слишком уж... того? Напомним, что мы ждем его как-никак, а?

Это была недурная мысль. Клавдия Сидоровна набрала Жорин номер и огорченно услышала, что абонент отключил телефон или находится в зоне недоступности.

– Странно... А чего это он с телефоном-то так, а? Мы же договаривались... – растерянno уставилась Клавдия Сидоровна на Володю.

– Ну вы что, маленькая? Догадайтесь с трех раз, чем они там могут заниматься, если телефон вырубил, – хмыкнул зять.

– А я вот не хочу догадываться! Не мог Жорка выключить телефон. Он всегда его включенным держит. Я даже думаю, он и вовсе не знает, как тот отключается.

Клавдия звонила еще и еще, но результат был тот же.

– Надо к ним идти, – решительно заявила она.

– Куда? Вы знаете, где живет эта Лера? – вздохнул Володя.

– Я, конечно, не знаю, но можно у соседей спросить – они-то наверняка знают, кто проживает в их подъезде.

Володя пожал нехотя плечами, однако, когда Клавдия стала выбираться из авто, последовал за ней. Клавдия Сидоровна, недолго напрягаясь, тут же позвонила в первую попавшуюся

юся дверь. Открыла миловидная старушка, которая, увидев незнакомых, отчего-то радостно заулыбалась.

– Бабушка, вы нам подскажите, пожалуйста, где здесь Лера живет? Баранова Валерия Андреевна, – так же радостно улыбнулась Клавдия Сидоровна.

– Баранова, говоришь? – переспросила старушка. – Так нету у нас таких! Никогда и не было, вот те крест. Я-то всех наших жильцов знаю!

Клавдия Сидоровна крикнула.

– А что же вчера не узнали, куда нам нужно ехать? – ворчал Володя.

Да и действительно, опростоволосилась Клавдия. Она вчера у Агафьи взяла адреса только Семизвонова и бизнесменов Красиковых, а вот про Леру и не подумала спросить.

– Слушай, зятек, а у тебя с собой мобильного нет? А вы, бабушка, закрывайте двери, закрывайте. Мы дальше уж сами, – кивнула она старушке, которая продолжала преданно смотреть ей в рот.

– Вот, берите, – протянул телефон зять, – пользуйтесь, только у меня тариф...

– Да бог с ним, с твоим тарифом, – буркнула Клавдия и вышла из подъезда.

Теперь она набрала номер Агафьи.

– Алло? – ответила трубка.

– Агафья Эдуардовна, скажите адрес вашей горничной Леры! – прокричала Клавдия.

– Записывайте: Джамбульская, сорок семь, квартира восемь.

Клавдия оторопела.

– А вы ничего не путаете? – на всякий случай спросила она.

– Я, между прочим, из ее личного дела адрес диктую, – обиделась Агафья.

– А телефона у девчонки нет?

– Вот телефона нет, придется вам так ехать.

Клавдия отключила телефон и уставилась на Володю.

– Ты знаешь, а Валерия Баранова, оказывается, проживает на Джамбульской.

– А где это? Где-то в Зеленой роще? Но ведь это совсем в другой стороне города!

– Вот и я говорю. Так что давай, Володя, не ломайся, заводи свою стальную кобылу.

– Нет, подождите! Но ведь Жора зашел именно в этот подъезд! И вчера мы довозили Леру сюда. Кстати, машина тоже здесь стояла.

Наверное, зять и теща подумали одновременно об одном и том же, потому что принялись вертеть во все стороны головами. Вчерашней золотистой машины нигде не было.

– Ну что же, будем ходить по всем квартирам, спрашивать, где она живет, – вздохнула Клавдия.

– Тогда давайте уж лучше вроде как подписи собирать.

Володя выдрал из своего блокнота лист и быстро набросал заявление, в котором жители гневно требовали не строить пивной ларек на детской площадке. Миновав уже знакомую старушку, родственники принялись стучаться в каждую квартиру.

– Подпишитесь, пожалуйста... вот здесь, ага... Это чтобы ларек пивной не ставили на детской площадке, – подбострастно объясняла Клавдия Сидоровна каждому, кто открывал двери.

– А что, уже ставят? Совсем разума лишились! Скоро уже водку детям в рот заливать начнут! – возмущались одни.

– А чем вам ларек не угодил? Очень даже неплохо: руку протяни – и бутылка пива на столе. Не, я такую лабуду подписывать не буду. Да и дети у меня уже давно выросли, – хмыкали другие и подпись не ставили.

Но Клавдии Сидоровне с Володией и не нужны были подписи. Они зорко следили, не промелькнет ли где знакомое лицо или хотя бы ярко-красные туфли Жоры в чьей-нибудь прихо-

жей. Однако двери открывали во всех квартирах, но нигде не было ничего, что хоть как-то указывало бы на присутствие Георгия Шарова.

– Нет, ты посмотри... Куда он мог подеваться? – задыхаясь от волнения, спрашивала сама себя Клавдия, когда они уселись в машину. – Все квартиры осмотрены, а ни девицы, ни Жоры.

– Ну... скажем, не так чтобы осмотрены... – задумчиво пробормотал Володя.

– Да что ты говоришь! Кто ж нам позволит?! И ведь – ты заметил? – жильцы-то тут все какие – либо старички, либо почтенные мамы семейств. Я бы еще поняла, если бы молодняк какой-то здесь проживал, а то ведь даже никакой зацепки!

– Мне сразу эта Лера не понравилась, – покачал головой Володя.

Клавдия Сидоровна хотела было ему напомнить, как он сверкал зубами, зазывая девицу в машину, да раздумала. Теперь это уже ни к чему.

– Ничего не остается, надо звонить в милицию, – пожал плечами зять.

– Слушай, а может, ты это... поговоришь с Анечкой, а? – преданно заглядывая в глаза зятю, проговорила Клавдия. – Меня она слушать не станет, а тебя послушает. Все же не чужого человека в берлогу-то сунули. Жора даже костюм новый купил, и туфли опять же. Сейчас мороз на улице, и, если его где на улице выкинут, он определенно без ног останется.

– Так как же его выбросят? Не выходил же никто! И второго выхода из подъезда нет, я смотрел! – взвинтился Володя, но послушно стал нажимать на кнопки.

Клавдия не стала слушать разговор супругов. До нее и без того доносились обрывки фраз типа «свихнулась на криминале», «ты поменьше мамочку слушай», «бросай все, приезжай домой, мусор три дня не выносил» и что-то еще в таком же духе. Анечка, конечно, хорошая девочка, но иногда может орать вот так, как сегодня. Клавдия, которая сидела довольно далеко от зятя с телефоном, боялась даже оглохнуть. Наконец Володе удалось найти компромисс – Анечка обещала сейчас же заняться розыском Жоры, а он, в свою очередь, поклялся, что через двадцать минут будет дома.

– Так нам же надо еще на Джамбульскую, – огорчилась Клавдия Сидоровна.

– На Джамбульскую заскочим, нам все равно по пути.

Клавдия не надеялась, конечно, что на этой улице они найдут сидящую дома Баранову Леру, но такого откровенного хамства не ожидала даже она – дома номер сорок семь на этой улице совсем не было! День просто пропал даром. А самое обидное, что вместе с ним пропал и Жора.

Клавдия Сидоровна вернулась домой чернее тучи. Акакий сидел возле телевизора и пялился на какую-то толстую тетку, которая взхлеб откровенничала с экрана:

– У меня исчезли головные боли, появились деньги, и я узнала, где мой муж скрывается от алиментов...

Клавдия хотела было накинуться на мужа: небось в телевизор таращится, а ужин не приготовлен, но потом вспомнила, что сейчас на его стороне еще и мама, и поплелась переодеваться в ванную.

– Клавочка, я вот думаю, как нам мебель переставить, – бесцеремонно появилась в дверях свекровь.

– А это еще зачем?

– Ну как же! – сложила Катерина Михайловна руки пирожком. – Мне Акакий доложил, что ваш сынок Данил неплохо зарабатывает. А мы сегодня видели в Доме мебели замечательную горку. И секретер. И все в одном цвете! Осталось только решить, куда их можно уместить.

Сейчас Клавдии Сидоровне было не до горки с секретером. Ей бы не мешало поесть и залечь на диван перед телевизором, но... не тут-то было.

– Клавочка, мы с Акакием сегодня тебе несказанно помогли – купили на рынке фарш, так что тебе остается только накрутить котлет. Ты себе не представляешь, я безумно люблю котлеты! – трещала свекровь, подталкивая Клавдию к кухне.

– Давайте-ка я с котлетами уже завтра управлюсь, – слабо отбивалась та.

– Клавусик, ну как же, мы с мамой весь вечер ничего в рот не брали, тебя ждали, – тоненько подвывал предатель-муж. Вероятно, он что-то такое высмотрел на экране, потому что сейчас весь сиял, будто новый пятак.

Клавусик сжала пудовые кулаки и хотела было достойно ответить супругу, как она всегда и делала, но присутствие свекрови действовало на нее магически. Она, конечно, не позволит родственничкам полностью усестись себе на шею, но все-таки ей отчего-то очень хотелось показаться хорошей.

– Ну хорошо. Сейчас только немного отлежусь, а тогда уж наделаю вам котлет по всем правилам, – устало вздохнула она и прилегла на диван.

Когда Клавдия открыла глаза, стояло уже не раннее утро.

– Ох ты, надо же, и никто не разбудил... – прошептала она, пробираясь на кухню.

Надо было срочно исправлять положение – нажарить этих клятых котлет до того, как пробудятся Акакий с матушкой. Но на кухне ее ждал новый сюрприз – под стеклянной крышкой в кастрюльке плавали в подливке котлеты.

– Чего ж в холодильник-то не поставили... Неужели Акакий изощрялся?

Клавдия подцепила вилок холодной котлету, попробовала и тут же выплюнула – мясная котлета была до приторности сладкой.

– Это что – издевательство, что ли? – вскипела Клавдия, но, попытев немного, решила не обращать на кулинарный изыск внимания. В конце концов, это матушка Акакия любительница изделий из фарша, а Клавдия может и сардельками обойтись.

– Ой, Клавочка, ты уже встала! – послышался над самым ее ухом голос свекрови. – Я думаю, сегодня ты никуда не собираешься исчезать? Вот что, милая... Я, как мать, хотела тебя предупредить – ты неприлично долго отсутствуешь. Я заметила, Акакий уже стал чаще вспоминать своих прежних невест, а это не к добру. Это говорит о том, что ты о нем не заботишься. Сегодня я запрещаю тебе выходить из дома. Ты меня слышишь?

У Клавдии от удивления брови заползли под кудри прически.

– Вчера я, конечно, не стала заниматься твоим воспитанием, но сейчас... – продолжала упиваться старушка собственными проповедями.

Клавдия решила не спорить, тем более что с самого утра ей необходимо было сделать несколько звонков.

– Алло, Агафья Эдуардовна? Скажите, когда у вас на смену заступает Баранова Лера?

– Никогда. Я ее брала только на месяц, по договору, вместо Иры Свиридовой, которая попросила отпуск. После праздников наш договор закончился, девушка получила расчет и больше не появится. Что-нибудь произошло?

– В общем-то, нет, если не считать того, что дома на Дзямбульской улице, который вы мне назвали, совсем не существует.

– Ой, ну Клавдия Сидоровна, я вас умоляю! Что, я должна у девчонки отпечатки пальцев брать, если беру ее всего на месяц? Она показала себя с хорошей стороны, никаких претензий у меня к ней нет, так что не волнуйтесь.

– Мне кажется, это вы волновались по поводу пропажи вашего редкостного бриллианта. Или я ошибаюсь? – поддела Агафью Эдуардовну Клавдия.

В трубке раздался залиvistый смех.

– Ах, вы об этом! Душенька, я забыла вам сообщить – бриллиант нашелся! Представляете, я сама уронила его за тумбочку! Валя, когда после праздников убирала мою комнату, нашла его. Ужасно порядочный человек, ужасно порядочный!

Клавдия не стала больше дожидаться от Агафьи комплиментов посторонним лицам и тут же позвонила зятю.

– Володя, ну так мы сегодня едем? – сразу же спросила она.

– А надо еще куда-то ехать? – поперхнулся зятек. – Я сегодня не могу. И рад бы, да никак. Аня чуть свет унеслась на работу, а мы сегодня с Янкой хозяйничаем.

– Бери девочку и срочно приезжай! – скомандовала Клавдия Сидоровна, и зять не посмел ей перечить.

Все время, пока Клавдия говорила по телефону, Катерина Михайловна, стоя рядом, учила ее семейной жизни. А Акакий спал сном младенца и просыпаться не думал. Можно было подумать, что до приезда матери коварная жена буквально не давала ему голову к подушке прислонить. Клавдия от обиды, точно хамелеон, меняла цвет – то она бледнела до синевы от возмущения, то краснела от гнева, то розовела от негодования. С трудом она дождалась приезда Володи.

– Катерина Михайловна, познакомьтесь, это ваша правнучка! – радостно оповестила она, едва зять появился в дверях. – Вот вам объект воспитания. Меня воспитывать немного поздно, а ребенку ваша нудистика пойдет на пользу. Яночка, детонька, возьми мою лейку... Помнишь, которой я цветочки поливаю? Полей деда Каку.

– Я думаю, ему не понравится, – здраво рассудила девочка.

– Ничего, мне тоже не нравится, что он спит уже вторые сутки.

Клавдия Сидоровна лучезарно улыбнулась свекрови и выскочила за дверь. Уже в подъезде до ее ушей донесся дикий крик – Яночка все же устроила дедушке Каке душ.

Глава 2

ЗМЕЯ В НАГРУЗКУ

Сейчас Володя вез тещу к семье прапорщика Семизвонова. В адресе этой четы никаких нестыковок не намечалось, и зять уверенно вел машину.

– Ну что, ты расспросил Анечку про Жору? Я вчера всю ночь глаз не сомкнула, так волновалась. Так волновалась... даже фестал пила, – сокрушалась Клавдия Сидоровна.

Володя пропустил слова тещи мимо ушей, не стал ей напоминать, что фестал помогает при несварении желудка, а не от бессонницы. Вместо этого он просто порадовал ее сообщением:

– Анечка сказала, что ничего страшного с ним не произошло. Оказывается, он зашел не в тот подъезд, а потом, уже когда мы уехали, он распросился с Лерой и еще успел к своим друзьям. Помните, он нам еще говорил, что очень торопится на какую-то там встречу? Просто-напросто мужик обговаривал очередную выгодную сделку для своего бизнеса. Ему понадобилось срочно куда-то улетать, вот он и улетел. Сразу же, еще вчера.

– Странно, однако... А что ж он нас-то не предупредил? – набычилась Клавдия.

– Ну так я ж вам говорю – он вышел, когда нас уже не было, а потом ему и вовсе не до нас стало. Вы ж должны понимать, у них, у бизнесменов, каждая минута на счету – решил, что надо ехать, и поехал, чего время-то тянуть.

– Да и ладно, – обиженно махнула рукой Клавдия Сидоровна. – Вот, вот же дом! Чуть не проехали. Вечно ты, Владимир, мозги мне пудришь. Прямо не зять, а наказание какое-то...

Прапорщик с семьей жил в новой девятиэтажке.

– Володя, у них девяносто девятая квартира. Быстренько подсчитай, в каком подъезде и на каком этаже они живут, – скомандовала теща.

Володя задрал голову кверху и выдал наугад:

– Подъезд третий, этаж седьмой.

– Ни фига. Четвертый подъезд. Видишь, над дверью номера квартир написаны. А этаж...

– Поедем до седьмого, а если что, спустимся, – предложил зять.

Стены в подъезде уже были исписаны трудолюбивыми малолетними художниками, но лифт еще работал. Дверь Семизвоновых резко отличалась от остальных огромным, величинной с тарелку «глазком». Скорее это был даже не «глазок», а настоящий иллюминатор. После того, как Володя нажал на кнопку звонка, «глазок» проявился – видимо, на нем отодвинули крышку, – и появилось искаженное лицо Семена Семеновича.

– Клавдия Сидоровна, гвозди вам в пончик! Проходите, проходите... А вы к нам... в гости или мимо шли? – приветствовал их хозяин, открыв дверь.

– Мы к вам по делу, – сурово швыркнула носом Клавдия Сидоровна. – И хватит уже про пончики.

Сегодня она выглядела замечательно, даже помыться успела, но... Не хватало еще, чтобы Семен Семенович продолжал за ней ухаживать прямо на виду у зятя! Клавдия гордо тряхнула головой, и ее высокая зимняя шапка рухнула к ногам хозяина. Пока Семен Семенович прилаживал шапку на вешалку, Клавдия степенно проплыла в комнату. Такой роскоши она увидеть не ожидала. А все говорят, что военные у нас живут на грани бедности! Это в каком же гарнизоне так своих подопечных обеспечивают? Надо бы Каку туда пристроить. Новая массивная мебель, огромный телевизор, вычурной загогулиной – торшер с тремя лампами, а посреди комнаты круглый стол благородного дерева, уставленный всевозможной выпивкой и закуской.

– Ого! Это вы что – так Рождество встречаете? Так вроде еще рано, – удивилась Клавдия.

– А вы чего? Проверять, что ль, пришли? – недобро буркнул Семизвонов, но из кухни выскочила его жена Лариса Федоровна, что-то зашептала мужу в огромное красное ухо, и тот расплылся в слащавой улыбке. – К нашему столу... Прошу вас...

Лариса Федоровна на минутку взгрустнула и пояснила:

– Это мы поминаем Марианну. Скромно, незатейливо, ну да уж как получилось... Серафима, поди к нам, – скорбно позвала она кого-то из соседней комнаты, но никто не отозвался, и тогда хозяйюшка рявкнула во все горло: – Симка! Иди ешь, говорю! Что, потом для тебя отдельно разогревать?

Клавдия Сидоровна чувствовала себя несколько скованно. Вот ведь черт, люди поминают Марианну, а она... а у нее... Акакий, паршивец эдакий, ведь ее возлюбленным считался, а нет, чтобы вот так же стол накрыть! Дальше терзаться стыдом у Клавдии не было времени – из комнаты выплыла ярко покрашенная девица лет двадцати с лишним и уселась в кресле возле стола, высоко закинув одну ногу на другую. Явно девице давно пора свить собственное гнездо и наслаждаться своей семейной жизнью, да, видно, засиделась. А еще говорят, что деньги нынче делают все.

– Симка, гвозди тебе в пончик! Немедленно сядь красиво, – громко шепнул Семен Семенович дочери. – Убери эти-то... лытки под стол затолкай!

– А в кабак отпустишь? – нагло уставилась на него девица.

– Хрен тебе, а не кабак! – продолжал шипеть прапорщик.

– Знакомьтесь, это доченька наша, Серафима. Она у нас уже четыре года в Москве учится, да. Успешно сессии сдает и там, знаете, семинары разные, а к нам приезжает только на каникулы, зимние. Да и то не всегда. Столичная жизнь, она затягивает молодежь... А вы кушайте, кушайте... – ласково пела Лариса Федоровна, подкладывая на тарелочки Клавдии Сидоровне и Володе бутерброды с икрой.

Клавдия даже не заметила, когда появились эти тарелочки, так ловко управлялась хозяйка.

– Па! Ну какого фига я здесь торчать буду? Вы здесь пить сейчас начнете, а я вас караулить, что ли, буду? – гнусавила Сима.

– Мы не пить... Мы не пьем! Мы... поминаем. Хорошую женщину Марианну, гвозди ей... н-да... – поднял рюмочку прапорщик и залпом выпил.

– А чо за Марианна? Это которая к тебе, батя, приходила? Ну, тощая такая, крашенная, все еще тебя своим сусликом называла... Она, что ли? – ни на кого не обращая внимания, выбалтывала отцовские секреты великовозрастная дочурка.

Клавдия чуть не поперхнулась бутербродом. Похоже, здесь чем меньше спрашиваешь, тем больше узнаешь.

– Ты... ты того, доченька, спутала, – шкودливо забежал глазами глава семьи. – Когда это ко мне... хи-хи... когда это ко мне Марианны приходили?

– Ну как же когда... – спокойно продолжала Симочка, засовывая в рот пластинку копченой колбасы. – Когда мамка уезжала на отсасывание жира. Ты чо, не помнишь, что ли?

Клавдия удивлялась все больше. Оказывается, Лариса Федоровна имеет средства на такие операции!

– Та-а-ак, суслик! Как ты говоришь, куда там тебе гвозди?! Значит, когда я ездила поправлять свою красоту, ты, милый мой, принимал здесь неизвестно кого? – горой поднялась хозяйка.

– Да что ж ты ей веришь-то? Ты ж видишь: не отпустил девчонку в кабак, вот она и собирает всякую чушь! Симка, прекрати немедленно отца позорить! – остороженько шлепнул Семизвонов девчонку по попе.

Доченька оскорбилась до глубины души. Она даже отбросила колбасу и понизила голос до баса:

– Да ты чо, батя! Я ж тогда еще только приехала. Вот, думаю, клево: матери нет, так я с Томкой покурю в санитарных условиях, языки почешем. Ты ж знаешь, сколько я Томку не видела. Только мы пришли, не успели по сигарете раскурить, рюмочку распить, а тут ключ в замке чирикает. Мы и спрятались в шкаф плавающий! А вы тут и давай слюни пускать. Ну, я думаю, чего отца перед Томкой позорить, и вылезла. А Томка меня еще держала. Давай, говорит, посидим, посмотрим, чо дальше будет.

– Вот и посидели бы, посмотрели, как батюшка опарафинится. Он уж давно на интимном-то фронте не боец, а туда же! – встряла в беседу супруга прапорщика.

– Ларисочка! Да ты чего веришь-то ей? – чуть не плакал тот. И судя по тому, какие кулаки он за спиной показывал дочери, девчонке стоило поверить.

– А потом ты Томку шуганул, а меня попросил, чтобы я молчала, – снова успокоилась голосом Симка, но не успокоилась выбалтывать папашины секреты, принявшись ковырять вилкой в салате с крабами. – Сам говорил – матери, мол, не проболтайся, а я тебе никогда этого не забуду, что хочешь сделаю. А сам забыл – уже второй час прошусь в кабак, не пускаешь.

Лариса Федоровна, высоко закинув голову, ждала объяснений от супруга и нервно таранила пальцами по столу. Семен Семенович медленно съезжал со стула.

– А вы что – Марию Зудову... пардон, Марианну раньше знали? До того, как встретились на вечере у Агафьи? – спросила Клавдия Сидоровна.

– Да так... Она заходила пару раз, очень интересовалась военной службой. Ларисочка, ты ничего не подумай, этой Марианне просто надо было поближе познакомиться с представителем наших Вооруженных сил. У нее, понимаешь, страх был за отчизну, а после того, как... короче, когда она меня увидела, сразу так и сказала – теперь я могу спать спокойно, нам, мирным людям, ничего не грозит.

Клавдия боялась упустить слово из напыщенной болтовни похотливого прапорщика.

– А где вы с ней познакомились? – спросила она.

– Ох, господи! Вы-то хоть не лезьте! – раздраженно буркнул Семен Семенович, но жена его ткнула тапкой по ноге, и он снова засиял улыбкой. – Так где... Нигде... Это же она нам принесла пригласительные от Агафьи Эдуардовны, гвозди ей в пончик. А потом... А потом на следующий день пришла спросить – пойдём мы или нет. И потом еще... приходила, все спрашивала, мол, пойдете или нет.

– Так ты что же, кобель, с ней ежедневно встречался? – снова взбеленилась Лариса Федоровна.

На прапорщика было жалко смотреть. Он уже давно вспотел на семь рядов, голос его дрожал, зубы выбивали нервную дрожь.

– Ларисочка! Клянусь тебе твоими же зубами – Марианна приходила ко мне только три раза!

– Правильно. Потому что я и ездила всего на три дня. Изверг!

– Вы уж нас извините за бестактность... А о чем вы с ней говорили? – добивала Семизвонова вопросами Клавдия.

– Ох, ну о чем с ней можно было говорить! Гхм... я имею в виду, мы беседовали о вооружении. Вот, да. Точно! Именно о вооружении! Она так по-умному армией интересовалась.

– И что же ты ей мог по-умному о вооружении-то рассказать, хорек ты душей? – снова взвилась супруга. – Уж хоть бы не врал! Быстро говори – зачем она к тебе таскалась? Только не ври, что ради интимных желаний. У тебя уже лет десять только одно интимное желание – как бы пожрать побольше!

– Гы-гы-гы! И еще поспать. Да, мам? – радостно засучила ногами девица.

Семен Семенович сначала хотел оскорбиться, но потом вспомнил, что момент для этого не совсем удачный, и стал тихонечко подхихикивать:

– Хи-хи, и не говори, Ларисочка, хи-хи. Я и сам не знаю, чего она ко мне зачастила. И не говорила ни о чем, а вот так придет, бывало, усядется и давай ересь армейскую плести. Ну скажите, на хрена ей это надо? И ведь не притронься к ней! Я было хотел раз приобнять, а она как вспрыгнет с кровати...

Семен Семенович понял, что сболтнул лишнее, но было уже поздно – Лариса Федоровна медленно удалилась на кухню и оттуда со всей силушки швырнула в негодяя утятницу вместе со всем содержимым. Прапорщик шустро присел, и утятница грохнулась о причудливый торшер. Раздался звон битого стекла и дикое ржание Серафимы:

– Га-га-га! Ой, сдохну сейчас от смеха! Матушка уже четвертый торшер покупает! Ей чу... чугунный надо... И хоть бы раз в папеньку попала!

Клавдия Сидоровна решила, что сейчас не самый удобный случай для беседы, и по стеночке стала пробираться к выходу. Следом так же передвигался Володя. А в несчастного Семизвонова теперь уже летели стаканы, кружки, и Клавдия успела разглядеть, как Ларисочка прицелилась в мужа кастрюлей.

Только в машине Клавдия сумела перевести дух.

– Вот это я понимаю – воспитание мужа! – с завистью покачала она головой. – Вот думаю, может, Анечке посоветовать такие упражнения?

– Да ну на фиг! Я бы с такой женой в первую же перестрелку погиб от утятницы, – поежился Володя. – Вы не сравнивайте – Лариса Федоровна просто женщина, а моя-то стреляет профессионально. Да и не ходят ко мне никакие Марианны. Кстати, я не понял, а зачем все-таки Зудова приходила к Семизвонову?

Клавдия Сидоровна кокетливо зарделась, повнимательнее пригляделась к Володе и поняла – парень действительно не додумался!

– Володя, ты что, ребенок? Ну зачем женщина к мужчине может прийти домой? Да еще когда точно знает, что жены нет дома. Только за одним!

– Не похоже... Вы же слышали, как Семен Семенович проболтался, что стоит ее обнять, и она сразу с кровати сигает.

– Ага, прямо пастушка-недотрога! А зачем тогда она сначала в кровать прыгала?

– Нет, я не думаю, что она за этим приходила, – над чем-то размышлял Володя, даже не думая заводить машину. – Ну чего уж, прапорщик такой обалденный любовник, что ли? Судя по тому, что она была в тот вечер у Агафьи, она была женщина не бедная...

– Нет, не бедная. И по платью тоже судя.

– Ну и с чего вдруг она запала на этого Семизвонова, которого и родная-то жена не очень хвалит?

Клавдия насупилась. Все-таки ей приятнее было думать, что Мария Зудова страдала невоздержанностью, тогда можно было бы об этом сообщить Акакию, и он не так бы страдал. Да и к ней, к Клавдии, относился бы более трепетно.

– Чего тут думать? Этот Семизвонов просто избавился от любовницы. Ты ведь подумай – преступление мог совершить только тот, кто хорошо знал у Агафьи все ходы и выходы, кто знал про видеонаблюдение. Ведь убийца умудрился не попасть на камеру. А Семизвонову ничего не стоило вызнать такие тонкости, тем более что про видео в доме знали почти все. И еще один момент – в то время, когда убили Зудову, все играли в фанты. В комнате не было Семизвоновых, меня и самой Зудовой. Вот и подумай – кто из нас четверых мог ее прикончить?

– Ну сама-то Зудова отпадает, – хмыкнул Володя.

– В общем-то, да, ее можно вычеркнуть. И меня тоже. Остаются прапорщик и его жена. Кстати, Лариса Федоровна тоже могла пристрелить соперницу. Может быть, она застала супруга с Марией в самый неподходящий момент, и рука у нее не дрогнула, так сказать. Нервишки сдали, вот и пристрелила. Она же должна уметь стрелять, все же как-никак жена прапорщика.

– Для того чтобы пристрелить, ей надо было сначала где-то пистолет добыть, потом тащить его к Агафье, то есть заранее запланировать убийство. И потом, мне сейчас показалось, что она искренне удивилась, когда узнала, что у ее мужа были с Зудовой тайные свидания. Да и на безумную ревнивицу, несмотря на все это ее... ммм... кастрюлеметание, она не сильно смахивает. Нет, мне кажется, что-то там было посерьезнее, – задумчиво проговорил зять. – О! Смотрите! На ловца и... овца!

Из подъезда выскочила Серафима в распахнутой норковой шубе и, немного отойдя от подъезда, жадно закурила.

– Сима! Идите к нам в машину, здесь перекурите! – позвала ее Клавдия.

Девчонка вздернула было брови, но, мельком оглядев иномарку, спешно засеменила ножками.

– Родичи за пивом отправили, – буркнула она, усаживаясь на заднее сиденье. – Вот всегда так – сначала посуду колотят, а потом вместе пивом успокаиваются. Потом папенька матери в любви начнет клясться, та будет кривляться и выпросит у него деньги на новый торшер. Тьфу! Уже смотреть не могу. И, главное, я должна сидеть рядом и пускать слюни от умиления. А меня, между прочим, наша кодла ждет. Были бы деньги, давно бы уже ушла.

– Как же так... а родители? Они же волноваться будут... – удивилась Клавдия.

– Ой, да какое там волноваться! Что-то они не больно волнуются, чем я там в столице занимаюсь, а тут прямо, надо же... Они и не вспомнят, что запретили мне в кабак идти. Маменька только крикнет, чтобы я штаны теплые надела, – девчонка глубоко затынулась. – Сейчас пива им куплю, потом к Наташке сбегая – займу у нее сотку и все равно умотаю. Не в подвал же идти!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.